

АЛЕКСЕЙ МЯГКОВ

СЕМЬ ФУТОВ
НАД
КИЛЛЕМ

18+

Алексей Мягков
7 футов над килем

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Мягков А. Н.

7 футов над килем / А. Н. Мягков — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Как сказал директор издательства Союза писателей Петербурга: «Это одна из самых веселых книг о морях и море».

Содержание

Остров старого капитана	5
Сингапур – Гамбург	9
Казус	12
Лев идет!	16
О вреде инициативы	20
Шутка	23
Неуставная болезнь	26
Научный эксперимент	33
Собаčky острова	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Алексей Мягков

7 футов над килем

Остров старого капитана

В ту ночь мне по обыкновению хотелось спать, но спать было нельзя: вскоре предстояло сдавать преподавателю навигации Бромфинбергеру кучу навигационных прокладок – долги, скопившиеся за семестр. Без них Бром не ставил зачёта, а без зачёта не допускали к экзамену, и скорый на расправу деканат в сговоре со строевой частью вместо отпуска отправил бы меня в “роту дураков” – отстойник, где после каждой сессии оседали унылые двоечники и весёлые пьяницы – самовольщики. Штрафники работали по двенадцать часов в день, ночами готовясь к передаче. Мне уже приходилось мыкать горе в этом “особом” подразделении, где я циклевал пол битым стеклом. На коленях образовались мозоли, как у верблюда, и явно обозначился безобразный горб.

Вспоминая это весёлое время, я потел и тарасил слипавшиеся глаза, вглядываясь в конфигурацию коварных прибрежных мелей.

В большом классе с двумя рядами широких, отполированных рукавами столов страдал той ночью над картами ещё один человек – пожилой капитан с курсов повышения квалификации: наутро ему тоже предстояло сдавать зачёт. Капитан кряхтел, тихонько матерился и поминутно менял очки, которых у него было великое множество.

Чтобы немного отвлечься, я вышел в коридор, где широко разливалась ночная тоска казённого заведения. Тоска была настояна на запахе мастики, табачного дыма и пропаренного форменного сукна. Я закурил, и тут же из-за угла вынырнул помощник дежурного по учебному корпусу, сокращённо – “ПОУК”. В руках у паука была книжица, куда он записывал нарушителей. За сутки следовало выявить не менее тридцати нерадивых курсантских душ. Если паук не наскребал положенного числа кляуз, дежурство его считалось неудовлетворительным, и через сутки он заступал снова. Такой порядок установил начальник строевого отдела, безмерно радевший о дисциплине. Паук был курсантом четвёртого курса, я – третьего. Он раскрыл кондуит и приблизился официальным шагом, держа наперевес авторучку.

– Курение в непопленном месте, – констатировал он. – Ваша фамилия, товарищ курсант?

– Шёл бы ты спать, милый, – дружелюбно посоветовал я, – а то у тебя от служебного рвения запор приключится.

Паук взглядом сосчитал мои курсовки и решил, видно, что связываться нет никакого смысла.

– Тогда хоть закурить дай! – ворчливо попросил он.

– Это, пожалуйста, – я протянул ему пачку, – много недобрал?

– Ещё десятерых нужно отловить, – пожаловался паук.

– Доберёшь! – утешил я его. – Наутро мороз обещали, народ будет под койками от зарядки прятаться, только нагибайся! А если и этих не хватит, придумаешь сам.

– У меня и так половина замечаний – фиктивные, – признался паук. – Придумываю всяких там Пупкиных и Тюткиных, у которых, якобы, бляхи не надраены.

Паук убрался. Хлопнула дверь, и в коридор вышел капитан. Он был без очков и, может, поэтому энергично крутил седой круглой головой, хотя глядеть было совершенно не на что. Лишь сердитые портреты знаменитых мореходов скучали на стенах, да в конце коридора бесшумно крался в свою роту загулявший первокурсник.

Капитан достал трубку, пыхнул душистым «Кланом», и мы разговорились.

– Я ему объясняю, – сипел морской волк, – ты же, Бромфинбергер, у меня курсантом на практике был, гальюны драил, и я тебя не обижал! А теперь гоняешь меня как последнего салагу! Только носом синим помахивает, зараза!

Тут я рассказал капитану, как мы однажды накануне экзаменов изготовили из папье-маше муляж этого знаменитого носа, покрасили фиолетовыми чернилами, чтобы придать сходство с оригиналом, установили в классе и стали, по обычаю дикарей, метать в него острые предметы. И конечно, сам Бром тут же заявился узнать, нет ли у его питомцев вопросов по билетам? Дежурный подал команду, мы застыли, а Бром долго и внимательно разглядывал муляж с торчащими в нём иголками и чертежными перьями. При этом он инстинктивно ошупывал собственный нос, словно проверяя его сохранность.

– Похоже! – наконец заключил Бром. – Вопросы есть? Нет? Ну, занимайтесь, паразиты!

Умный человек – он не обиделся, а нам, пусть и ненадолго, стало стыдно. Брома уважали, он *заставлял* нас знать навигацию.

– Хотите – помогу? – предложил я капитану.

Он согласился быстрее, чем я успел пожалеть о своём порыве. Мы вернулись в класс и подошли к столу.

– Ой! – сказал я, поглядев на линию курса.

– Где? – капитан повис лицом над картой, судорожно перебирая в кармане очки.

– Да вот же! – я щёлкнул ногтем. – Видите, здесь маленький островок? А вы через него курс проложили.

– Вот сволочь! – капитан шарахнул кулаком. – Это ж всё переделывать! А я же тушью всё нарисовал! Ой, горе-то, ой, горе! – запричитал он дьяконским басом.

– Горю можно пособить, – распевно заметил я. – У вас бритвенное лезвие найдётся?

Лезвие нашлось, и я, примерившись, стал аккуратно срезать с карты островок.

– Бром взглядываться не будет, – пояснил я, – а все островки на белом свете даже он не помнит.

– Ну и дела! – изумился капитан, когда от злополучной суши не осталось и следа. – Ты, сынок, часом не гидрограф будешь?

– Гидрограф, – потупился я.

– То-то я гляжу, как ты ловко с ним разделался! – повеселел капитан. – Лихой вы всё же народ! Если завтра всё сойдёт – угощаю тебя. Вы куда ходите?

– В «Мутный глаз», – доложил я название пивного бара.

– Это который «Нептун»? – уточнил капитан. – Значит так! – он уже командовал. – Завтра сдаю зачёт, – он кивнул на карту, – и снимаю тебя с занятий. Кто у вас начальник факультета?

Я попытался отклонить протекцию и объяснил, что, в конце концов, могу улизнуть и без помощи начальника факультета, но капитан желал, чтобы всё было устроено “в соответствии с хорошей морской практикой”.

На следующий день, когда мы играли на “Камчатке” с приятелями в “балду”, а преподаватель пытался привлечь наше внимание к неоспоримым преимуществам советской экономики, дверь распахнулась, вошёл капитан, огляделся, ткнул в меня пальцем и заявил эконому, что с разрешения начальника факультета забирает вот этого курсанта.

– Куда? – поражённый капитанским натиском, удивился молодой доцент.

– В «Мутный глаз»! – с моряцкой прямоотой отрезал кэп.

Курсанты дружно заржали.

– Прошу разрешения? – я встал.

– Э-э-э-э! – начал было доцент, но капитан, не дожидаясь, пока этот длительный звук обретёт членораздельность, вытащил меня из аудитории.

Свежий человек, попавший ненароком среди бела дня в пивной бар «Нептун», или “в миру” – «Мутный глаз», обыкновенно поражался обилию синих курсантских воротников. Капитан тоже удивился.

– Ну и дела! – громко пробасил он. – А кто же на занятиях?

– Есть и такие, – заверил я. – Много нас, на всё хватает.

За столиком, куда мы присели, мужественного вида усатый пятикурсник прихлебывал пиво, изредка заглядывая в лежавшее перед ним секретное пособие по военно-морской подготовке. Он с уважением поглядел на тёмные, как старые пятаки, капитанские нашивки, покопился на мои курсовки и неторопливо отодвинул в сторону пол дюжины пустых кружек. Пятикурсник был крепок телом, невозмутим и сосредоточен. Задев столы широченными бёдрами, проплыла официантка и, сонно шурясь, приняла заказ.

– Надо было бы тебя, конечно, в ресторан пригласить, – посетовал капитан, обмакивая в пиво солёный сухарик, – да вечером дружок приезжает из Москвы – заместитель министра морского флота, встретить нужно, посидеть, живых и мертвых вспомнить.

Он задумался, а я отметил, что про начальственного дружка он упомянул без малейшего хвастовства.

– Ничего, – сказал я, – и здесь хорошо.

Пятикурсник поднял глаза, поглядел на задумавшегося капитана, сунул за пазуху секретную книгу и дружелюбно улыбнулся. Глаза у него оказались трезвыми и внимательными. Через полчаса он уже всю руководил нашим скромным застольем: заказывал пиво, веселил анекдотами, уважительно именовал капитана – “мастером”, а мне обещал всяческую помощь и покровительство. Они с капитаном вспоминали свои плавания, иностранные порты, забавные случаи, экзотические напитки, у них нашлись общие знакомые; в общем, происходило отрадное братание поколений, но при этом общительный старшекурсник ни разу не позволил себе фамильярности. Я больше помалкивал – за границей мне бывать не приходилось, а рассказывать, как я с мокрым задом во время практики катал на Севере железные бочки, как-то не тянуло. И хотя капитан помянул молодечество, с которым я устранил зловерный остров с карты, этого было мало, чтобы конкурировать с бравым пятикурсником.

– Мастер, а не усугубить ли нам? – спросил усатый, когда капитан выцедил пятую кружку. Сколько пива булькало к тому времени в самом усатом – не знал, наверное, даже он сам.

– Даю “добро” усугубить! – согласился капитан, но почему-то уже баритоном.

– Ласточка! – гаркнул курсант.

Словно из-под земли появилась низкорослая, неопрятная бабёнка, вечно ошивавшаяся в баре и служившая на посылках.

– Ласточка, – велел пятикурсник, – вот тебе пиастры, слетай, сама знаешь – куда, принеси, сама знаешь – что.

Просветлев отёчным лицом, бабёнка умчалась, топая мужскими ботинками, и через десять минут вернулась с двумя флаконами портвейна. Я поглядел на этикетки и затосковал. Но в «Мутном глазе» привередливость была не в чести, и я понадеялся на свой молодой организм.

Усатый крепыш налил Ласточке и разрешил оставить сдачу. Принесли чистые стаканы.

– Моряки мы или нет? – спросил пятикурсник, с отменной точностью распределяя смертоносную жидкость.

– Конечно, моряки! – расчувствовался капитан. По всему было видно, что бойкость усатого ему по душе.

– Хорошая лоза, – заметил я, отхлебнув полглотка.

Пятикурсник уловил иронию и поглядел неодобрительно. После второго стакана капитан утратил румянец, но сохранил весёлость.

– Однажды на вахте мне не спалось..., – затынул он, было, песню своей молодости, но одумался и спросил, где гальюн.

– Я провожу вас, мастер! – вызвался учтивый старшекурсник.

– Сам дойду! – отрезал мореход, поднялся и, постояв некоторое время, довольно уверенно двинулся в нужном направлении.

– Слушай, – наклонился ко мне усатый, – отдай мне этого мастодонта, ставлю коньяк!

– Как это – “отдай”? – изумился я. – Что он – девка, что ли?

– Насчёт девок это ты хорошо придумал! – обрадовался курсант. – Эт-то надо покуме-кать! Ну? Коньяк ставлю!

– А что же ты ему коньяк не поставил, если он тебе так полюбился? – ехидно спросил я.

– Потому что я умный, – объяснил крепыш, – знаю, что делаю.

Я пригляделся и увидел, что он действительно очень умный и наверняка знает, что делает. Но мне тоже хотелось знать.

– Говори толком, чего тебе надо? – потребовал я.

– Не понимаешь? – искренне удивился он.

– Не понимаю.

– Это потому, что молодой ещё, – снисходительно заметил он, – ну, ладно, не обижайся. У меня через год распределение. Теперь понял?

– Понял. Хочешь, чтобы он тебя пристроил на выгодную линию?

– Не будет из тебя толку, – он грустно покачал неуставной шевелюрой. – На черта мне сдались все эти ваши линии? Ты слышал, у старца кореш в министерстве! Ну? Если это дело с умом провернуть, можно сесть на знатное место!

– А как же море? – спросил я и тут же понял, что сморозил глупость.

– Море, море, море! – пропел он задумчиво. – Ну что, согласен отвалить в сторону? В долгу не останусь!

– Да я и так в стороне, – честно признался я. – Это ваши с ним дела.

– Правильно! – пятикурсник звякнул о мой стакан. – Твоё здоровье!

Капитан вернулся. Потом по его стопам сходил я, а когда снова сел за столик, понял, что курсант уже далеко продвинулся.

– Встретим вашего друга и сразу закатимся в гости, – вкрадчиво убеждал крепыш. – Слово моряка, мастер, вы не пожалеете о сегодняшнем вечере!

– Ты настоящий парень! Мы с тобой ещё поплаваем! – капитан уже разговаривал тено-ром, точно оперный душака.

Я не стал дожидаться, когда он доберётся до дисканта и откланялся.

Через пару лет я наткнулся на фамилию капитана в статье, где разбирались подробности аварии: мой знакомый среди бела дня с полного хода высадил своё судно на маленький островок – тот самый, что я когда-то недрогнувшей рукой срезал с карты. Статья была подписана членом специальной комиссии, и это был бывший крепыш курсант-пятикурсник.

Кстати, коньяк он так и зажил. Мистика и безобразия!

Сингапур – Гамбург

Ивашкин совершенно не соответствовал своей фамилии: не было у него ни носа картошкой, ни белокудрости, ни голубоглазости. А был он черняв, горбонос, зеленоглаз, и если бы ему пришла вдруг в голову сумасшедшая мысль раскопать свою родословную, то в бесконечной череде предков обнаружались бы, к его удивлению, и татары, и евреи, и даже персы, а среди них подвижники и обыватели, богачи и бедняки, герои и доносчики, религиозные фанатики и стоеросовые богоборцы. Но Ивашкин своих предков не знал, а поэтому мог числить себя истинным русаком, то есть человеком, инстинктивно сознающим, что безопаснее вовсе почтить себя выращенным в колбе с разрешения начальства.

Итак, коктейль из прашуров, сгустившись во плоть, образовал Ивашкина – одарённого лентяя, бывшего студента и бывшего сигнальщика крейсера «Коллективизация».

Окончив школу, Ивашкин зачем-то поступил на философский факультет Ленинградского университета, откуда в середине второго курса был изгнан за то, что в пивном баре «Медведь» подрался с доцентом, читавшим у них курс марксистско-ленинской эстетики. Недоделанного философа призвали на флот, где он, благодаря сметливости и врождённой способности воспринимать идиотизм как затейливую игру ума, вскоре сделался справным матросом и отличным сигнальщиком. Командование его отличало, хотя зоркое начальственное око прозревало в Ивашкине подспудную готовность к взбрыкиванию.

Взбрык поймел место в далёком Сингапуре, куда «Коллективизацию» направили с официальным визитом, дабы продемонстрировать белу свету калибр орудий, боеготовность и чистоту мирных намерений. Миротворческая миссия готовилась столь тщательно, что инструктажи, политинформации и беседы о происках империализма довели личный состав до состояния запредельной бдительности, но на Ивашкине это не сказалось, поскольку ещё с пионерских лет он научился засыпать мёртвым сном, как только выступающий произносил слово «Товарищи!»

Спал Ивашкин с открытыми глазами и при полной неподвижности организма, а потому считался самым прилежным слушателем.

В Сингапуре Ивашкин пропал, то есть буквально исчез, словно провалился сквозь асфальт на людной улице. Офицер, возглавлявший группу и каждые десять минут пересчитывавший матросов по бескозыркам, тут же прекратил увольнение, пригнал свою «отару» на борт, доложил о происшествии, потом пришил к галстуку покаянный рапорт и попытался повеситься на портупее от кортика, но лишь вывихнул челюсть и был изолирован в санчасти, где потихоньку играл в карты с доктором и потягивал спирт, а в свободное от этих занятий время усиленно конспектировал первоисточники, готовясь к неизбежной разборке.

Бесконтрольное изучение классиков марксизма-ленинизма оказало на него весьма странное действие, и по возвращении в родную базу он написал письмо в ЦК КПСС с предложением одностороннего разоружения и создания многопартийной системы, после чего его заболевание было признано безнадежным и его уволили из вооружённых сил, а впоследствии он приобрёл известность как поборник защиты насекомых.

Поиски матроса продолжались двое суток, лучшие криминалисты сбивались с ног, а правительство даже негласно вошло в контакт с местной мафией, и та заверила, что к исчезновению Ивашкина никакого касательства не имеет. Излишне говорить, что всякое общение «Коллективизации» с берегом было прекращено, командир крейсера всё чаще поглядывал на свою портупею, особисты писали многостраничные доклады о происках спецслужб, и все обсуждали неизбежность скорых вакансий.

Ивашкин объявился, когда в клюзах уже грохотали якорные цепи. Пропажу доставили к борту на большой джонке, изукрашенной цветными бумажными фонариками. Ивашкин воз-

лежал на горе шёлковых подушек в компании разномастных девиц, оказывавших ему всевозможные знаки внимания. В джонке находился также жёлтый полицейский чин, благосклонно взиравший на идиллию и приговаривавший тонким голосом: «Те-те-те! Карос, русико! Карос, русико!»

Ивашкина подняли на палубу, глаза у него были как у кота, обожравшегося сметаной, а ноги подкашивались от слабости, но он нашёл в себе силы доложить по всей форме, что прибыл из увольнения без замечаний, а подробности изложит в письменной форме. Следом на борт подняли многочисленные презенты от благодарных почитательниц ивашкинских талантов. Полицейский чин со своей стороны поблагодарил командование крейсера за образцовое проведение визита, назвал Ивашкина “могучим посланником доброй воли”, добавил: «Те-те-те! Карос, русико!», отдал честь и смайлался в джонку.

Отославшись, Ивашкин написал на удивление короткий рапорт, суть которого сводилась к тому, что он выпил в городе лимонаду и потерял сознание, которое вернулось к нему лишь у борта родного крейсера. Все попытки уличить его в осмысленном безобразии ни к чему не привели. Ивашкин охотно признавал факт злонамеренной провокации, но по сути самой провокации ничего путного сообщить не мог и только горестно твердил: «Виноват! Опоили, сволочи!» На том дело и кончилось, но оставлять на службе столь популярную фигуру, каковой сделался Ивашкин, было совершенно недопустимо, и его под благовидным предлогом комисовали, отпустив на все четыре стороны.

Из всех четырёх сторон Ивашкин выбрал опять-таки морскую – устроился в Балтийское пароходство, честно отплавал положенный срок в каботаже, получил визу, был выпущен в загранку. Но природная шустрость и нутряная порядочность подгадили ему и здесь.

В славном городе Гамбурге Ивашкина сотоварищи занесло на зланный Репеербан, куда, к слову сказать, влекла российских мореходов не столько возможность бесплатно лицезреть кусочек чужого разврата, сколько знаменитый магазин «Алко», где по весьма доступной цене продавалось вино в литровых картонных упаковках на манер молочных. Пакеты эти моряки называли кирпичами и покупали весьма охотно.

Купив по кирпичу, приятели употребили их на травке под памятником Бисмарку и отправились глазеть на живые витрины.

Толстые, добродушные немки сидели за стеклом и, позёывая, вязали детские шапочки, поёживаясь в своих лёгких нарядах. Ивашкин неожиданно ощутил сыновнее чувство и несколько загрустил. Правда, у витрины с молодкой в одних ботфортах он оживился и даже стал пересчитывать марки, но друзья не позволили ему уронить честь-достоинство и уволокли от скромного зрелища.

Они вышли на Репеербан и стали свидетелями отвратительной сцены: какой-то тип хлестал по щекам девицу, а прохожие шли себе мимо, видно, помня, что в буржуазном мире человек человеку – волк. И ведь были инструктажи, были! И даже этот возможный мерзкий случай обсуждался! Задали вопрос первому помощнику: «Как быть, если на глазах твоих бьют женщину?» И ответил судовой идеолог: «Ступайте мимо, ибо не за дело бить не станут!» Но Ивашкин-то не слышал этого завета, он по обыкновению спал, окаменевши и растопырив глаза. И не успели его товарищи опомниться, как подскочил Ивашкин к оскорбителю и врезал по уху, добавив слово бранное. Тот от удивления грохнулся на панель, и в следующую секунду Ивашкин уже бился с друзьями негодяя.

Коллеги же в битве участия не принимали, поскольку на инструктажах не спали, помнили, что драться за границей нельзя, но, однако же, нельзя и уйти, бросив товарища, а следует ждать, куда его не заберут в полицию, куда надлежит проследовать в полном составе, не теряя при этом всё того же достоинства.

Баталия меж тем разгоралась, и вот уже, теснимый неприятелем, снял с себя Ивашкин широкий ремень – память о славной «Коллективизации», и уже сверкнула над развратным

Репеербаном надраенная краснофлотская бляха, но тут замигали огни, и подъехала полиция. Остановиться бы Ивашкину, опомниться, уж и шпана гамбургская скрылась, а вокруг одни полицейские, но куда там! Взбодрённый кирпичным напитком наступает Ивашкин на полицейских, выкрикивает обидное для всякого немца слово – «Сталинград», и свистит над головой латунная бляха. Вот уже и ТВ подкатило, запылали юпитеры, и повёлся прямой репортаж с театра военных действий. А на судне смотрят телевизор, и доктор делает первому помощнику инъекции.

В сей момент старший группы не выдержал и, вспомнив молодость, выкрикнул громко военно-морское: «Полундра!» Опешил на секунду Ивашкин, опустил ремень и тут же налетели проклятые буржуины, замкнули на запястьях браслеты крупновской стали, запихали пинками в гамбургский «воронок», а друзей Ивашкина вежливо пригласили в другую машину.

Из полиции позвонили на судно и пообещали двоих отпустить, а Ивашкин пусть посидит в холодной, а то полицейские на него очень злы. Наутро же полиция обнаружила, что участок блокирован огромной толпой женщин, а над ними реют транспаранты: «Свободу русскому парню, вступившемуся за честь женщины!» и ещё много всяких в таком же роде. К тому же гамбургский женсовет послал бургомистру, или, как там он у них называется, целую петицию, что, мол, если Ивашкина не выпустят, так чёрта лысого его, бургомистра, изберут на следующий срок. Тот, понятное дело, струхнул, лично доставил Ивашкина на судно и чуть ли не хотел объявить его почётным гражданином вольного города, лишь бы с бабами не ссориться, но почётное гражданство наш консул отклонил. В пароходстве Ивашкину вежливо предложили: либо ты, зараза, будешь до пенсии болтаться в каботаже, либо вот тебе отличная характеристика и ступай-ка ты, родимый, на все четыре румба.

Жизнь и приключения Ивашкина продолжались...

Казус

На рыболовецком судне в рейс пошла докторша-дантистка, чтобы рыбаки флотилии могли радостно расставаться с зубами, не сходя на берег. Такое случалось и раньше, и всё как-то обходилось, но в этот раз стоматологиня оказалась писаной красавицей: длинные ноги, противотанковый бюст и все прочие прелести. В море лучше этого не видеть, если не уверен, что дотянешься. Люди опытные сразу смекнули, что добром дело не кончится. А девица оказалась ещё и недотрогой, и как за ней ни увивались, никому ничего не перепало. Решили, что она определила себя для капитана, но потом стали замечать, что и кэп день ото дня всё более мрачнеет, впадает в злобную меланхолию, и конечно, догадались о причине. Жизнь на судне пошла – хуже некуда. Капитан, слывший удачливым, сметливым рыбаком, плюнул на лов и принялся закручивать команде гайки. Начал он с того, что заставил штурманов стоять вахту в форме и при галстуках, а дело, между прочим, было в тропиках! Доведя придирками помощников до икоты, капитан отправлялся в машину и проделывал то же самое с механиками, потом перекидывался на палубную команду, навещал радистов и поваров. Через неделю народ стал всерьёз поговаривать о бунте, а упрямая девица знай выставляла коленки и фыркала на всех подряд. И тогда трое самых влиятельных на судне людей – старпом, стармех и первый помощник решили, что настала пора принимать меры, тем более что они, все трое, к тому же были ещё и партбюро.

Собрались дружно, но разговор поначалу не клеился: уж больно тема оказалась деликатной. Стармех пошептался с первым помощником и принёс бутылку разбавленного спирта. Выпили без радости, но средство подействовало, и начался обмен мнениями. Оказалось, что всех переполняет одно и то же чувство – оскорблённого мужского достоинства. Все они были людьми, немало поплававшими и повидавшими, но с такой ситуацией столкнулись впервые. Это как же можно, чтобы – никому? Даже капитану! Невиданное и оскорбительное хамство. И хотя спорили, долго ругались, каждый понимал – выход один: заставить девицу уступить капитану, иначе не останется ничего другого, как посадить их обоих в спасательный плотик и оттолкнуть от борта.

Решили дела не откладывать, прибрали на столе и послали за докторшей. Та явилась в короткой юбочке и уселась, провокаторша, таким манером, что стармех замычал и отвернулся к переборке.

Некоторое время молчали, а потом первый помощник возьми и брякни: «Дочка, как ты понимаешь настоящую международную обстановку?» Старпом досадливо крякнул, а докторша нагло объяснила, что никакая она комиссару не дочка; если по возрасту, так он ей в дедушки годится, и, вообще, она таких родственников видела в гробу, и причём тут, между прочим, международная обстановка?

Первый помощник мог бы ей запросто рога обломать, он в экипаже линию партии проводил со всей твёрдостью и знал, как даже старые, просоленные моряки могут плакать и каяться, если им бумажку нужную показать, да словцо заветное шепнуть. Однако сообразил, что с такой заразой оборот нужен особый. Поэтому сделал вид, что хамства не заметил и пространно объяснил, что про обстановку спросил потому, что несмотря на мирные усилия партии и правительства, империалистические круги продолжают вынашивать агрессивные замыслы, а значит, военная опасность не ликвидирована.

От такой политинформации девица начала демонстративно зевать, но первый помощник опять притворился, что не заметил, и, как бы невзначай, спросил:

– А кстати, вы знаете, чем мы здесь, в море, занимаемся?

– Вы, лично, вообще ни черта полезного не делаете, – дерзко заявила докторша. – Старпом людям нервы треплет и всё пытается меня в койку затащить, а стармех спирт казённый дует, от него, вон, и сейчас за версту несёт!

Тут, конечно, сделался шум, но первый помощник своей властью возмущение унял и возразил по существу:

– Нет, дорогая товарищ, всё, что вы сказали, – не главное, а главное наше занятие и задача – ловить для страны рыбу. А что есть рыба? А рыба есть стратегический продукт! Не дай бог, война! Так, может, наши консервы партизаны будут кушать в тылу врага!

– Ну, тогда им точно каюк, партизанам! – загрустила девица. – Ваша тухлятина их доконает почище всяких карателей. А вы меня зачем сюда пригласили? Может, хотите прямо сейчас в партизанки записать?

– Нет, – в который раз сдерживается комиссар, – не за этим мы вас пригласили. А вот скажите, заметили вы, что уловы у нас пошли никудышные? Заметили? А знаете, почему? А потому, что наш капитан – мастер лова – полностью форму потерял из-за вашего к нему нечуткого отношения.

– Ага! – оскалилась докторша. – Теперь понятно. Вы, значит, собрали своё партбюро, чтобы меня, честную девушку, уложить под этого козла толстого?

– Подбирайте выражения! – одёрнул её старпом, а стармех заржал, он и раньше капитана недолюбливал, а теперь ещё и ревновал.

– Сейчас подберу! – пообещала строптивница. – Все вы – козлы ободранные, коты чердачные, и вот вам – хрен, а не чистая девичья любовь! И капитану вашему – хрен же!

Тут партбюро замолчало и задумалось. Ругаться, возмущаться и уговаривать было совершенно бесполезно. В общем, горько, безнадежно и тоскливо сделалось на душе у партбюро.

– Значит, без меня улову не бывать? – наконец подала голос девица.

– Не бывать, не бывать! – заголосили мужики, видя, что девка, вроде, слабину даёт.

– Отдайся ты ему, ироду! – заканючил первый помощник. – От всего экипажа тебя молим, ведь без рыбки и денег не будет, а дома-то семьи, детишки-и-и!

– А в тылу партизаны без консервов маются! – поддразнила докторша, но комиссар только всхлипнул и уронил голову на руки.

– Ладно! – наконец сжалилась дантистка. – Чёрт с вами! Но только за красивые слова – я не согласна.

– Всё тебе сделаем, дочка! – взвился первый помощник. – Путёвку в санаторий хочешь?

– Нет! – отмахнулась дочка. – Путёвку отдайте тому партизану, который после ваших консервов выживет. Мне валютой платить будете. В чеках Торгмортранса.

– Кто будет платить? – хором изумилось партбюро.

– Вы и будете, – улыбнулась шантажистка, – все трое. Шестьдесят валютных рублей в месяц. Пока шестьдесят. Соглашайтесь, а то передумаю.

– Это что ж получается? – старпом чуть из кресла не выпрыгнул. – Это, значит, я буду платить двадцать чеков за то, что кэп тебя трахать будет? Да я...

– Ну, как знаете, – поднялась девица.

– погоди! – стармех так кулачищем по столу шарахнул, что с переборки сорвался портрет Ленина, но первый помощник его поймал. – погоди! сядь! Нет, ты лучше сейчас выйди вон, а мы тебя позовём, когда решим.

Докторша вымелась из каюты и стала изучать в коридоре наглядную агитацию, а из-за двери стали доноситься слова, что выпускает из себя человек на верхушке душевности и волнения. Потом постепенно гам и нецензурность начали стихать, а когда стихли вовсе, в дверях появился первый помощник: красный, потный, двух пуговиц не хватает, но в руках – всё ещё портрет Ленина. И делает знаки – заходи, мол.

Войдя в каюту, докторша сказала: «Ой!», потому что остальное партбюро выглядело не лучше помполита.

– Ладно! – комиссар почесал под коленкой. – Мы тут посоветовались с товарищами и решили предложение ваше принять. Считайте, что договорились. Идите, работайте. И чтобы

завтра же в экипаже восстановилась нормальная политико-моральная обстановка, и начались богатые уловы.

– Вы меня и впрямь за партизанку принимаете, – грустно покачала головой девица, – так вот, знайте, что я жизнь не в лесу прожила, а среди таких, как вы типов, и вы меня не надуете, не дам посмеяться над бедной девушкой.

– Так чего же ты хочешь? – закричало партбюро.

– А вот чего, – объяснила бедовая докторша. – Составим договор. По всей форме, с подписями и судовой печатью. Тогда уж придётся обходиться со мной по совести, иначе вам же худо будет.

Деваться было некуда, и стороны принялись согласовывать позиции. При этом экипаж представлял старпом как человек, имеющий представление если не о законности, то, по крайней мере, о «Морском праве».

В окончательной форме договор выглядел так:

Договор о нормализации морально-политической и производственной обстановки в экипаже БМРТ «Иван Сусанин»

Представители экипажа (партбюро) БМРТ «Иван Сусанин» и судовой врач-стоматолог Твердоглазова Б. Б., именуемые в дальнейшем сторонами, сознавая ответственность за выполнение плана вылова рыбы, как части реализации Продовольственной программы, принятой Партией и Правительством; принимая во внимание, что капитан судна, в силу определённых обстоятельств, утратил моральный покой и способность находить в море рыбу, что пагубно отражается как на выполнении Социалистических обязательств, так и на доходах экипажа; желая нормализовать нервную обстановку на судне, вызванную неудовлетворенностью капитанского организма, обязуются:

1. Обеспечить всеми мерами и средствами, а также способами, регулярное (по потребности) отправление мужской капитанской функции, для чего:

а) Доктору Твердоглазовой Б. Б. впредь не отказываться от оказания капитану БМРТ «Иван Сусанин», в дальнейшем именуемому «Капитаном», интимных услуг, периодичность каковых (услуг) и продолжительность их (услуг) устанавливается лицом, их (услуги) принимающим, то есть Капитаном.

б) Доктору Твердоглазовой Б. Б. исполнять обязанности по оказанию вышеуказанных услуг добросовестно и радостно.

в) Доктор Твердоглазова Б. Б. на протяжении всего периода оказания услуг несёт персональную ответственность за морально-политическое, физическое, психофизиологическое состояние Капитана, докладывая обо всех замеченных отклонениях членам партбюро.

2. Партбюро обязуется:

а) Выплатить по возвращении в родной порт доктору Твердоглазовой Б. Б. сумму из расчёта 60 (Шестьдесят) инвалютных рублей за каждый календарный месяц оказания услуг, начиная с момента подписания настоящего договора, но без учёта надбавок за плавание в тропических широтах и прочих коэффициентов.

б) Обеспечить доктору Твердоглазовой Б. Б. выполнение её обязанностей, вытекающих из статей настоящего договора.

Примечание 1: Спецдеждой, а также инвентарём, необходимым доктору Твердоглазовой Б. Б. для исполнения обязанностей по договору, вышеозначенная доктор обеспечивает себя самостоятельно.

3. Меры по охране труда и технике безопасности обеспечиваются доктором Твердоглазовой Б. Б. при содействии второй договаривающейся стороны.

4. Во всех сомнительных, непредвиденных случаях в ходе выполнения обязательств по данному договору стороны должны руководствоваться хорошей морской практикой.

Договор вступает в силу немедленно после подписания его сторонами и действует в течение всего рейса.

Денонсация договора не предусматривается.

Договор был скреплён подписями и спрятан в сейф, а на следующее утро капитан явился на мостик ласковым и просветлённым, снял со всех ранее наложенные взыскания, отменил ношение формы и галстуков, сам уселся за приборы и к полудню нашёл здоровенный косяк рыбы. Команда вздохнула с облегчением.

Лев идет!

После четвёртого курса Сипунов был направлен стажироваться на гвардейский крейсер «Адмирал Хрыч». Эта трофейная посудина была самой старой единицей флота, и название удивительно соответствовало облику корабля, но пикантность заключалась ещё и в том, что никакого адмирала Хрыча ни в русском, ни в советском флоте никогда не было. Поначалу крейсер носил имя какого-то германского агрессора, потом советского партийного руководителя, потом ещё одного руководителя, который разоблачил предыдущего. Ровесники старого корабля уже давно пошли на слом, а он ещё числился в составе флота, хрипел кингстонами, сочился ржавчиной и менял названия, следуя причудливо изломанным фарватером российской истории.

Когда в очередной раз властям вздумалось заново окрестить ветерана, главный вождь вспомнил о давнем своём приятеле по фамилии Грычко, который действительно был адмиралом по идеологической части. Верховный вождь достал бумажку и стал зачитывать своё предложение остальным вождям, но после слов "...переименовать в «Адмирала Грыч...»" выронил вставную челюсть и пока водружал её на штатное место, собравшиеся разразились аплодисментами и криками одобрения. Вождь решил, что соратники поняли его правильно, и не счёл нужным продолжать чтение. Секретарь записал в протоколе – «Адмирал Хрыч», каковое имя и попало в указ, а затем и в приказ по флоту. Сомневаться или перечить никто, разумеется, не посмел. На борту засияло золотом новое имя, а политработники устроили на крейсере музей. Экспозиция была обширна, однако не имела ни одной фотографии славного адмирала, да и вообще обходила молчанием его боевой путь. Всякому было ясно, что Хрыч имел множество заслуг, но вот каких именно – было окутано непроницаемой военной тайной. Если поручик Кижэ начинал с малого, знал опалу и взлёт, продвигался по службе и помер в чине высоком, то Хрыч явился миру сразу в адмиральском блеске, что делало всякие сомнения в его подлинности невозможными.

Крейсер не обременяли боевой службой, лишь иногда выволакивали в ближайший полигон при помощи тяжело сопящих буксиров. Перед тем, как скомандовать главному калибру – “Пли!”, командир незаметно крестился, ибо понимал, что ветхое сооружение способно в любой момент утонуть даже без лишних батальных упражнений. По обыкновению, производился лишь один залп, после чего те же буксиры тащили крейсер напрямик в док, для устранения повреждений, нанесённых старому организму учебной пальбой. Зато «Адмирал Хрыч» слыл кузницей дисциплины и порядка, взращивая в своих отсеках свирепых старпомов, безжалостных мичманов и непреклонных политработников, слава о которых гремела по всем флотам. Репутацию эту следовало поддерживать, а потому личный состав отпускали на берег редко, дабы не расслабился и не набрался вредного гражданского духа. Офицеры маялись тоской среди серого боевого железа и срывали раздражение на мичманах, те – на старшинах, а последним, и более всех, доставалось матросам. А чтобы для ропота у них не оставалось времени, их заставляли постоянно красить корабль. Крейсер был велик, и к тому времени, когда одни матросы добирались с кистями до бака, другие уже начинали сдирать краску на юте. И снова красили. Такой порядок был введён после того, как один корабль перевернулся и затонул накануне адмиральского смотра, не выдержав трёхтысячной покраски.

Сипунов, поёживаясь, стоял на корме разъездного катера и без особого волнения наблюдал, как в мокром тумане проступал силуэт огромного корпуса. Поднявшись по шаткому трапу, он с едва заметной, корректной небрежностью представился вахтенному офицеру. Несмотря на показную уверенность, Сипунов испытывал некоторую робость, и она помешала ему заметить выражение жестокой весёлости, мелькнувшее на лице вахтенного при появлении курсанта-ста-

жёра. Вскоре прибывший был принят командиром крейсера – пожилым капитаном первого ранга, дожидавшимся выхода в запас.

– Прибыли, значит, – ответил командир на рапорт Сипунова. – Ну, служите, курсант. Надеюсь, у вас не будет никаких этих самых... – он покрутил в воздухе поднятой ладонью, – и тому подобных, – и он покрутил ладонью опущенной. – Можете быть свободны. Размещайтесь.

Размещаясь, Сипунов некоторое время размышлял над загадочным смыслом командирского напутствия, но потом, вспомнив, что в родном училище офицеры-воспитатели выдавали перлы и почище, успокоился.

За ужином он был представлен кают-компании и встречен радушно. Офицеры улыбались, наперебой желали ему успехов, но при этом перемигивались, что Сипунову не слишком понравилось, и он решил держать ухо востро, зная, что новичков всегда разыгрывают и вообще стараются поставить в самое, что ни на есть дурацкое положение. Он и сам частенько принимал участие в подобных забавах и надеялся на свою опытность.

Сипунов не учёл, что розыгрыш невозможно распознать, если в нём принимает участие большое количество людей, спаянных горячим желанием устроить ближнему конфуз. Офицеры крейсера, одуревшие от корабельного сидения, приняли явление курсанта как дар божий, и доктор – штатный объект шуток, вздохнул с облегчением.

Сипунова разыгрывали ежедневно и по нескольку раз. Иногда один розыгрыш плавно перетекал в следующий. Причём это не были древние, избитые приколы, а вновь придуманные, свежие, блестящие, достойные занять место в анналах морского фольклора.

Стажёр самонадеянно полагал, что годы, проведённые в училище, воспитали в нём непреодолимую, уверенную готовность ко всякого рода пакостям, но понял, что переоценил себя, и захандрил. Приятно одурачить коллегу, не страшно порою и самому оказаться в дураках, но постоянно жить в ожидании подвоха – тягостно и унизительно.

Сипунов хотел, было, попроситься на другой корабль, но вовремя сообразил, что и там будет встречен как желанный гость, тем более что молва уже сделала его имя пренеприятно известным.

Положение складывалось ужасное и безвыходное. До окончания срока стажировки оставалось ещё две недели, и Сипунов знал, что выдержит, но репутация его будет безнадежно опоганена, и шлейф анекдотов будет следовать за ним по всем флотам и флотилиям, куда не упакуют его в гроб, покрытый военно-морским флагом, а сверху положат фуражку и кортик. Да и в этот печальный момент кто-нибудь наверняка хихикнет.

Оставалось учинить некую сверхъестественно хамскую выходку, которая покрыла бы вечным позором коварных “хрычѐвцев” и превратила бы Сипунова из жертвы в героя и победителя.

Курсант впал в мрачную задумчивость, стал рассеян и даже перестал огрызаться на шутки, что весьма обеспокоило корабельный народ. Всякий знает, что объект розыгрышей должен быть свеж, зол, бодр и обидчив. Офицеры даже решили оставить на время стажёра в покое, ещё не зная, что Сипунов уже измыслил дерзкое коварство, и час отмщения близок. Однажды вечером, явившись в кают-компанию к чаю, Сипунов поразил всех добродушным выражением лица, приветливостью и дружелюбием. Он заверил офицеров, что не держит на них зла, понимает значение юмора в нелёгкой морской жизни, и даже готов по мере сил скрасить досуг “хрычѐвцев”, тем более что владеет искусством гипноза и может прямо сейчас провести показательный сеанс. Предложение было принято с восторгом.

– Только вы должны выполнять все мои указания, – потребовал Сипунов, – иначе ничего не выйдет.

Офицеры обещали.

– Это будет сеанс коллективного гипноза, – объяснил стажёр. – Ну, например... – он задумался. – Вот, скажем, после того, как я приведу вас в гипнотическое состояние, вам всем одновременно покажется, что в кают-компанию вошёл лев. Ну, как?

– Лучше бы пришли девицы, – заметил кто-то. – Ладно, пусть для начала будет лев.

Сипунов начал подготовку к сеансу: он построил офицеров, строго оглядел, некоторых поменял местами, а потом принялся ходить вдоль строя, размахивая руками и бормоча невнятные заклинания, среди которых иногда чудились неприличные выражения. Эти манипуляции и бормотание продолжались минут десять, после чего Сипунов принялся располагать офицерский состав в соответствии с известным ему одному плану. Он выбрал двух лейтенантов и приказал им забраться на спинку большого дивана, что стоял в углу.

– Это ещё зачем? – возмутились “хрычёвцы”.

– А затем, – строго объяснил Сипунов, – что, когда войдёт лев, вы, как и все нормальные люди, испытаете страх и с испугу можете наделать глупостей. А на спинке дивана вы будете чувствовать себя безопаснее. И вообще, товарищи офицеры, либо вы исполняете мои указания, либо сеанс не состоится.

Старпом – человек чрезвычайно строгий, но, вместе с тем, любознательный – рявкнул: «Исполнять!», после чего приготовления значительно ускорились.

Следующих трёх офицеров Сипунов посадил на старинный буфет, нескольких заставил встать на столы, а четверых загнал на пианино.

– Понимаете, – объяснял Сипунов, – смысл в том, чтобы каждый занял, так сказать, конечную позицию, то есть такую, в которой оказывается человек, испытавший испуг. Таким образом, вы минуете стадию самого испуга, а это необходимо в целях вашей психологической безопасности. Так. Кажется, все на местах. А теперь хором повторяйте: «Лев идёт! Лев идёт!» Я сейчас выйду, а через пять минут снова зайду; вы откроете глаза, но увидите не меня, а большого, страшного льва. Ну, начинайте! Не бойтесь, лев только с виду будет страшным.

– Лев идёт! Лев идёт! – хором загудели офицеры, а Сипунов выскочил в коридор и бросился к каюте командира крейсера.

Капитан I ранга – человек, утомлённый службой, исполнял свою должность без излишнего рвения, мечтая об отставке и тихой жизни огородника. Экипаж обычно видел своего предводителя лишь на подъёме флага. Однако равнодушие командира к службе не оказывало смягчающего влияния на свирепость корабельной жизни, ибо свирепость эта имела более глубокие и основательные причины, нежели личные склонности того или иного начальника.

Командир собирался, почитав немного роман Майн Рида, отойти ко сну и уже отчасти разделся. Нужно сказать, водилась за капитаном первого ранга одна особенность или странность, впрочем, вовсе безвредная: раздеваясь, он первым делом снимал брюки и носки, а уж потом верхушку. Когда Сипунов, нарушив правила субординации, этики и вообще всяческих приличий, ворвался в каюту командира, тот благодушно расхаживал в кальсонах и в кителе, мурлыча какую-то легкомысленную мелодию.

– Вы с ума сошли! – заорал он на Сипунова. – Да я вас...

– Товарищ командир! – заголосил в ответ Сипунов. – Беда! Беда на вашем славном крейсере! Ой, беда! Коллективное помешательство среди офицерского состава – младшего, среднего, да и старшего! Залезли в кают-компанию кто куда и хором повторяют: «Лев идёт! Лев идёт!» Сами все бледные, руки вытянули – вот так! И дрожат! Это – общее сумасшествие, а может быть и диверсия! Я назад побегу, следить, чтобы никто не выскочил! Они же чёрт знает, что с кораблём натворить могут! – и с этими словами он вылетел из каюты.

Командир, как и всякий истинно военный человек, знал, что смысл службы есть действие. В критической ситуации действие, всё равно какое, должно быть предпринято немедленно. Капитан первого ранга не мог припомнить ни одного случая, когда бы военного чело-

века наказали за глупость или торопливость, но помнил множество примеров, когда колебания и размышления карались с примерной жестокостью.

Поэтому, услышав страшную весть о внезапном помешательстве своих офицеров, командир вылетел из каюты следом за Сипуновым, не надев по причине озабоченной поспешности брюки.

Сипунов дождался его, прильнув ухом к двери кают-компания. Командир отодвинул его в сторону, одёрнул китель, распахнул дверь и ринулся внутрь. Навстречу ему грянул радостный вопль: «Лев пришёл!»

На следующий день Сипунов, проведший ночь, задраившись в цепном ящике, получил приказ о переводе на другой корабль, где был встречен хохотом и весёлыми расспросами о подробностях гипнотического происшествия.

О вреде инициативы

Капитан-лейтенант Сипунов отличался живостью нрава, а также изобретательностью, что не всегда шло ему на пользу. На Тихоокеанском флоте готовили большой праздник, и капитан-лейтенанту поручили учинить фейерверк. Но по натуре он был человеком весьма мирным и пальбы, даже потешной, не любил, а потому оказанным доверием тяготился. На совещании, где обсуждался сценарий праздника, он оказался самым младшим по званию, и сидеть бы ему тихо, не высовываясь, так нет! Улучил момент и, озорства ради, предложил построить большой воздушный змей (дельтапланов тогда ещё не знали) и привязать к нему соответствующий случаю транспарант. И чтобы кто-нибудь, поднявшись с водной поверхности на лыжах, пролетел бы с этим транспарантом перед публикой и начальством. Член Военного Совета, мечтавший утереть нос всем остальным флотам, ухватился за идею и приказал Сипунову фейерверк передать другому офицеру, самому же означенный аппарат построить и на нём лететь.

– Мне одному не справиться! – попробовал отпереться Сипунов.

– Окажем необходимую помощь, – заверил Член.

– А как же взлетать? – не унимался Сипунов. – Нужен мощный катер!

– Два катера, – поправил его Член. – Два торпедных катера будут выделены в ваше распоряжение: основной и резервный. Указания будут даны. Ещё вопросы?

Сипунов с тоской осознал, что лететь всё же придётся.

– Вдовой меня оставить хочешь? – заплакала молодая жена. – Всё язык твой поганый, мало тебе лошади, так теперь полетать вздумал? Наездник чёртов! Воздухоплаватель!

Наездником Сипунов сделался также по случаю. Поступило указание усилить среди офицеров спортивную работу, и Сипунов, чтобы от него отвязались, заявил, что раньше занимался многоборьем, другого ничего не признаёт, а в условиях военно-морской базы тренироваться нет никакой возможности.

– Возможность изыщем! – обрадовался главный флотский физкультурник.

– Да ведь туда ещё и конные состязания входят! – забеспокоился Сипунов. – Что же мне, лошадь покупать, что ли?

– Подумаем, – отложил разговор физкультурник.

Через два дня он вызвал Сипунова и, радостно потирая руки, сообщил, что конь найден.

– Какой конь? – опешил Сипунов.

– То есть не конь, а кобыла, – поправился физкультурник и подвёл Сипунова к окну. – Еле раздобыл! Для тренировок и эта сойдёт, а там поглядим.

Под окном застенчиво переминалось немолодое, брюхатое животное затейливой масти.

– Когда же на ней ездить? – Сипунов всё ещё надеялся увильнуть. – Сами знаете, день и ночь на службе...

– Я и об этом подумал, – улыбнулся физкультурник. – Ввиду особой важности спорта для поддержания боевой готовности, тебе разрешено ездить на службу верхом, а также передвигаться конным порядком по всем надобностям в личное время. Начальник комендатуры, правда, кричал, что морской офицер на кобыле – это бесчинство, но командующий его одёрнул и разрешил. Только велел номер повесить, потому что лошадь – транспортное средство. Кобыла поставлена на довольствие, так что с фуражом проблем не будет. Получишь сбрую и седло.

– И шпоры, – потухшим голосом напомнил Сипунов.

– Шпоры – обязательно! – согласился физкультурник. – Ну, желаю спортивных успехов! – и он крепко пожал руку новоиспечённому кавалеристу. – Увижу, что ходишь пешком – пеняй на себя!

Теперь по утрам Сипунов, звеня шпорами, спускался по лестнице, таща на спине седло с болтавшимися стремянами. Пасшаяся на газоне кобыла с радостным ржанием трусила к своему хозяину, а в окна глазели охочие до забав соседи. Сипунов затягивал подпругу, пристраивал на лошадиную задницу жестяной номер, опускал подбородный ремень фуражки и, вздохнув, вскарабкивался в седло.

Проезжая мимо комендатуры, он придерживал кобылу и, разглядев в окне начальника, отдавал честь, а комендант в бессильной ярости грозил из-за стекла кулаком.

Согревшись, старушка убыстряла бег, и на стенку Сипунов въезжал почти рысью, лихо соскакивал у трапа своего корабля и крепил поводья на причальном кнехте. Никогда ранее не сидев на лошади, он постепенно освоился с верховой ездой, но теперь предстояло явить свою отвагу и в небе.

Затруднение состояло в том, что он совершенно не представлял, как должен выглядеть этот проклятый летучий змей, но тут на помощь ему пришло специальное конструкторское бюро и стараниями большого коллектива, понукаемого командованием, вскоре невиданное сооружение было собрано и доставлено для испытаний. Рукотворная птица была обтянута зелёной тканью ядовитого оттенка. Сипунов на всякий случай попрощался с женой, выпил рюмку водки и верхом отправился на репетицию. Встречные офицеры снимали фуражки и держали их на сгибе локтя.

Командование уже толпилось на трибуне, у пирса сотрясал воздух готовый сорваться с места катер, а вокруг змея суетился озабоченный политработник, привязывая свёрнутый в рулон транспарант.

– Ты что, в таком виде полетишь? – удивился он, увидев, что Сипунов явился в парадной форме и при кортике.

– Так приказано, – хмуро объяснил Сипунов, снял ботинки и стал прилаживать водные лыжи.

– И много раз тебе приходилось летать на такой дуре? – продолжал любопытствовать политработник.

– А как же! – ответил Сипунов, которому уже было на всё наплевать.

Он сел на специальные мостки, пристегнулся к аппарату и закурил. Адмирал махнул платочком, катер дал ход. Сипунов обнаружил, что скользит по глади бухты, и подумал, что езда на водных лыжах, оказывается, не такая уж трудная штука.

Докуривая папиросу, он ещё подумал, что, может, дело ограничится катанием, но тут катер взревел, и Сипунов почувствовал, что неудержимо отрывается от поверхности. Лыжи он потерял сразу же после взлёта и теперь, болтая ногами в форменных носках, пытался хоть как-то управлять строптивым змеем. За спиной у него, хлопнув, развернулся длиннющий транспарант: «Слава КПСС, ВЛКСМ, ВЦСПС, СА, ВМФ и лично дорогому Леониду Ильичу!»

– А как далеко он может улететь, если вдруг отцепится? – задумчиво спросил начальник Особого отдела, также приглашённый на репетицию.

– Ну, не знаю! – пожал плечами Член Военного Совета. – Метров двести – триста.

– Значит, до международных вод не дотянет, – удовлетворённо констатировал особист.

– Ишь, как взмывает, сокол наш! – радовался Член, наблюдая за эволюциями отчаянного каплея. – Здорово мы придумали! Надо поощрить!

В этот момент Сипунов пронёсся над трибуной, отчаянно крича: «Здравия желаю!»

– Поощрить можно, – кисло заметил командующий, которому вся эта затея с самого начала была не по нутру. – А почему он – зелёный?

– От волнения, видать! – предположил Член.

– Я вас про змея спрашиваю!

– Такой материал! – сделав шаг вперёд, доложил представитель тыла флота.

– Материал? – сердито переспросил командующий. – А что скажет начальство из Москвы?

– Что скажет? – Член не отрывал взгляда от бездумно парящего в синем небе смелого авиатора. – Порадуются инициативе. От нас же требуют внедрять новые методы агитации и пропаганды, так вот он и есть – новый метод.

– А змей-то зелёный! – не унимался командующий. – Скажут, что в период беспощадной борьбы с пьянством советский офицер при всём честном народе летал на зелёном змие, да ещё с таким именем на хвосте! Ты что, под монастырь меня хочешь подвести?

– Мать твою так! – Член даже присел, осознав политическую оплошность. – Слезай! – заорал он, будто Сипунов мог его слышать. – Да сделайте же что-нибудь! – крикнул он в отчаянии.

Поддерживающий радиосвязь с катером офицер воспринял этот вопль как приказ и командовал в микрофон: «Полный назад!» Катер задрожал и осел носом. Ещё какое-то время змей продолжал движение в пространстве, затем последовал рывок, и аппарат вместе с воздухоплателем обрушился в воды. Сипунов потом признавался, что на миг ощутил себя Икаром.

Далее возникло некоторое затруднение: ясно было, что немедленно следует кого-то наказать, но вот кого именно и как – тут мнения на трибуне разделились. Спасательная служба меж тем, гордясь лихой выучкой, извлекла Сипунова из хлябей морских. Он был доставлен на трибуну и предстал пред грозны очи командующего.

– Товарищ адмирал, – шёпотом наябедничал комендант, – это тот негодяй, что на кобыле по улицам скачет. Он всё это и затеял со змеем!

– Всякая инициатива должна быть наказуема! – наставительно молвил адмирал. – Кобыла, говоришь! Трое суток ареста!

– Есть! – ответил счастливый Сипунов, более всего опасавшийся, что придётся лететь ещё раз.

– Товарищ адмирал, разрешите вопрос для уточнения, – опять подал голос комендант, – насчёт кобылы я всё понял, а как накажем Сипунова?

Шутка

– Трудно будет тебе служить, Сипунов. Потому как ты умный и умность свою норовишь начальству предъявить. А мы этого не любим. Два наряда вне очереди! – так изъяснялся командир роты в училище, где Сипунов осваивал военно-морское ремесло. Ротный, словно в воду глядел.

– Ну, чего ты не поделил с этой братией? – сочувственно и укоряюще сетовал приятель Сипунова по бригаде крейсеров. – Я как услышал, что тебя волокут к начальству, сразу понял, что опять у тебя язык не вовремя развязался, – приятель поправил нарукавную повязку – указание на то, что носитель её является дежурным по бригаде.

– Да понимаешь, – жаловался расстроенный Сипунов, – ерунда какая-то. Сижу я тихо на политинформации, поп наш крейсерский бубнит по бумажке о происках империализма, все зевают, в общем – нормальная обстановка. И тут чувствую, засыпаю вмертвую. А ты же знаешь, какие у меня с замполитом отношения, он только и ждёт случая... И чтобы не отрубиться, а заодно и активность проявить, решаю задать ему какой-то вопрос, какой – сейчас не вспомню, хоть убей. Поднимаю руку, будто школьник, встаю и говорю: «Товарищ капитан второго ранга, хотел бы вас спросить, как гомо сапиенса...» Не успел договорить, этот дундук сделался красным, словно партбилет, подпрыгнул, да как заорёт: «Мальчишка! Выйдите вон! Отстраняю вас от занятий!» Через полчаса меня на ковёр в политотдел, а я и понять ничего не могу.

– И я тоже! – изумился приятель.

– Ты слушай! Вхожу, докладываю. НачПо сидит, как туча и в упор спрашивает: «Как же вы, капитан-лейтенант, в присутствии офицеров, да ещё и во время идеологического мероприятия посмели назвать своего замполита педерастом? Он мне звонил».

Приятель захохотал так, что от кителя отскочили две пуговицы.

– Это ещё не всё, – продолжал Сипунов. – Елозил он меня мордой по столу и карами всякими грозил, а как отпускать стал, то и говорит: «Идите, товарищ Сипунов, и хорошенько подумайте о своём поведении, а если чего заметите странного или нехорошего в склонностях замполита, то ваш долг – тут же поставить нас в известность». Ну что ты скажешь?

Но говорить приятель не мог, а когда смог, то предложил проучить зловредного замполита.

– Как же его проучишь? – вздохнул Сипунов. – Нет, надо проситься на другой корабль.

– Там будет то же самое, – утешил его приятель. – Слушай, ты же у нас артист-пародист и всяким голосам можешь подражать!

– Ну и что? – вяло отреагировал Сипунов. – Предлагаешь голосом этого, с позволения сказать, гомо сапиенса обматюгать начальника политотдела? Не пойдёт!

– Думай сам, – заключил приятель и кивнул на телефон оперативной связи.

Сипунов задумался, и по ходу размышлений лицо его менялось от грустного к оживлённому и, наконец, утвердилось в злом, весёлом и нетерпеливом.

– Вызывай мой крейсер, – бросил он товарищу. Тот снял трубку и, дождавшись ответа, попросил: «Дайте “Башню-23”!» – Держи! – он протянул трубку Сипунову.

Сипунов откашлялся в кулак и произнёс: «Замполита мне!»

– Ой! – испугался приятель, узнав грозные адмиральские интонации.

– Замполит? – продолжал Сипунов. – Как у вас обстановка на борту? Понятно, понятно... Так, а к завтрашнему мероприятию всё готово? Что значит – “не в курсе”? Я ещё неделю назад отдал устное распоряжение! О чём вы там думаете? Повторяю ещё раз для нерадивых, завтра в базовом матросском клубе состоится общефлотский конкурс на лучшую колоду для рубки мяса! Участвуют все корабли и береговые части. Знать ничего не хочу! Утром, перед конкур-

сом, явитесь ко мне в кабинет и предъявите изделия! Проконтролируйте остальные корабли! Выполняйте!

– Пропадём! – закручинился приятель, когда довольный Сипунов лихо бросил трубку. – Вычислят меня, как врага народа, и тогда...

– Обойдётся! – легкомысленно отозвался Сипунов. – Смотри, не болтай! Ну, я пошёл.

Дежурный задумался о последствиях им же спровоцированной глупости, и некоторое время пытался гадать, чем же всё кончится, пока служебные обязанности не отвлекли его от опасных размышлений.

На бригаде же медленно, но неуклонно взрастала нездоровая суета. Она могла бы вмиг прекратиться, если бы кто-нибудь снял трубку и переспросил насчёт проклятых колод. Но решиться на это никто не желал, и липовое указание, пущенное шкодливым капитан-лейтенантом, вступило в действие.

Десятки самых рукодельных матросов и старшин, забыв про отдых, остервенело тесали неподатливые дубовые чурки, подгоняли их друг к другу, строгали, полировали и тут же передавали другим, не менее искусным, которые вырезали на них изображения кораблей, пушек, якорей, флагов и прочих атрибутов морской славы. Медники ковали широкие звонкие обручи для скрепления колод, и среди всей этой людской занятости металась замполиты, озабоченным матом поощряя личный состав. Справедливости ради следует заметить, что трое из четверых замполитов бригады страдали невинно, за компанию, так сказать. Они, возможно, даже знали, что означало слово “гомо сапиенс”, но тут уж вступил в силу закон воинской службы как высшей формы общности людей. Ночь прошла в трудах и тревогах, но к утру на причальной стенке красовались великолепные колоды, поражавшие взор уставной соразмерностью пропорций, блеском и прихотливой вычурностью рельефов. Ожидая транспорта, четверо пастырей ревниво косились на соседские изделия, пытаясь предугадать их судьбу, а значит, отчасти и свою, ибо знали, что все явления жизни есть лишь идеологическое движение материи и могут оцениваться только с этой точки зрения.

Однако случись и впрямь подобный конкурс, судьи оказались бы в немалом затруднении – так хороши, так свежи были все колоды! От них исходил дух самоотверженной флотской бодрости, основательности и готовности ко всему, что вообще может произойти.

Тут, однако, случилась накладка: грузовик, выделенный для перевозки деревянных шедевров, вышел из строя, других свободных машин не было, и после продолжительной ругани с тыловиками замполиты, скрепя сердце, согласились на гужевой транспорт, в то время ещё имевшийся на вооружении.

Экспонаты были с осторожностью погружены на телегу, следом взошли комиссары в парадных тужурках, и каждый, поддёргнув брюки, уселся на свою колоду. Пожилой старшина-возничий оглянулся, хлестнул рахитичного конька, и повозка покатила. Сзади рысью припустил сводный отряд отутюженных матросов, от которых за версту шибало «Тройным» одеколоном. Обыватели, привыкшие, казалось бы, к военно-морским причудам, при виде торжественной процессии останавливались и обменивались мнениями. Высказывалось даже нелепое предположение о возобновлении смертной казни через отсечение головы, и что четверо капитанов второго ранга, сидящих на телеге с отрешёнными лицами, есть первые жертвы возрождаемого варварства. Навстречу кортежу выскакал на кобыле капитан-лейтенант Сипунов и был немало поражён, а, пожалуй, и напуган столь быстрым результатом вчерашней шутки. Однако он приблизился к повозке и почтительно испросил разрешения сопровождать колесницу. Недоброжелатель его смягчился и дозволил. Сипунов с похоронным лицом поехал впереди, и с этой минуты шествие приобрело окончательную завершённую форму.

У штаба телега остановилась, и замполиты, выяснив, что начальник ещё не прибыл, велели матросам тащить колоды в его кабинет, как и было приказано накануне. Сипунов же получил разрешение следовать на корабль.

Ещё привязывая лошадь к кнехту, он уже выяснил, что его приятель – дежурный отбыл на гауптвахту, что доказывало несомненный профессионализм особистов и надёжность флотских средств связи.

Сипунов галопом поскакал к узилищу и, задоблив стражу, отправил приятелю короткую записку: «Ну, как?» и мгновенно получил ответ: «Я тебя не выдал, гнида!» В ближайшем гастрономе Сипунов купил две бутылки коньяка – одну он презентовал дежурному по гауптвахте на предмет послабления режима заточения, а вторую просил передать товарищу, что и было незамедлительно исполнено. В ответ пришла записка: «Прощаю!», и успокоенный Сипунов отправился в гавань, где на причале красовались все четыре колоды. Замполит, не знавший, что такое “гомо сапиенс”, завидев всадника, подбежал к нему и, ухватившись за повод, прошептал уже знакомое Сипунову слово – “гнида”. Но капитан-лейтенант, зная, что доказательств его греха нет, решил, что этот обойдётся без коньяка.

Неуставная болезнь

– Это всё от половых излишеств, – заключил доктор, снимая очки.

Без очков он утратил значительную долю респектабельности и, если бы не чёрная морская форма и погоны полковника медицинской службы, вовсе бы походил на растолстевшего, жуликоватого торговца. Полковник дослуживал свой срок на спокойной должности в морском училище и был абсолютно убеждён, что все человеческие недуги имеют лишь две причины: распутство и пьянство. К этому выводу его привело постоянное общение с курсантами, которые меж собой прозвали доктора Бациллой.

– Ну, уж это вы хватили, доктор! – усомнился начальник строевого отдела. – Случай-то особый. Как вы это по-научному обозвали – сом... сам...

– Сомнамбулизм, – доктор опять взгромоздил на нос тяжёлые очки, – проще говоря – лунализм.

– Лунатиков нам только не хватало, – пробормотал начальник СО и посмотрел на командира роты капитана третьего ранга Жучко.

Когда начальник строевого отдела Рукосуев желал продемонстрировать суровость, то глядел на людей особым манером: оставаясь фронтом к собеседнику, поворачивался профилем и скашивал глаза. В молодости какой-то шутник сравнил нос Рукосуева с наполеоновским, и с тех пор подчинённые неоднократно дивились, как это нормальный с виду человек принимает порой эдакие замысловатые позы. Поймав взгляд начальника, Жучко поднялся и встал по стойке “смирно”, сдвинув, по возможности, короткие толстые ноги.

– Сидите, – досадливо махнул Рукосуев. – Я вас не виню... Хотя...

Жучко на всякий случай остался стоять.

Капитан второго ранга Рукосуев не просто любил порядок и дисциплину, но относился к ним трепетно и находил, по собственному признанию, больше поэзии в ярко надраенной бляхе, чем во всём Байроне. Почему досталось именно английскому барду – никто не ведал, но все знали, что мысль капитана второго ранга, отягощённая повседневными заботами, совершала иногда затейливые кульбиты, отчего многие высказывания и поступки его казались простым людям загадочными.

Например, вовсе не был наказан курсант, повиснувший по пьяному делу на чугунной заборной пике, когда возвращался в училище под утро из самовольной отлучки. Остриё прокололо толстое сукно шинели и застряло на спине в складке, не причинив нарушителю ни малейшего вреда. Курсант висел, дрыгая ногами как паяц, плохо понимая, что же с ним произошло. В это время сыграли подъём, и Рукосуев, выступивший во двор, чтобы лично проверить “организацию проведения утренней гимнастики”, увидел распятую на заборе фигуру. Рукосуев приблизился. Узрев под собой начальника строевого отдела, курсант унял болтанье ног, отдал честь и уверенно, хоть и невнятно, представился.

– Снимите! – приказал Рукосуев подоспевшему наряду и добавил негромко:

“Негодяй! А службу знает!”

Другой же курсант схлопотал лично от Рукосуева кучу нарядов вне очереди и был лишён на месяц увольнения в город за нарушение формы одежды, а именно – за пребывание на лестничной площадке в расстёгнутой шинели и без ремня. Расстёгнутым он оказался потому, что тискал в парадной девицу, а действие это, как всякому известно, приятнее производить, имея на себе минимум амуниции. Курсант, самозабвенно отдавшийся развратному процессу, не подозревал, что особа, подхваченная им на танцах в училище, есть дочка Рукосуева. Папа, спустившийся в пижаме за почтой, обнаружил динамично развивающуюся любовную сцену. Рукосуев на мгновение остолбенел, но тут же пришёл в себя и сделал курсанту замечание за нарушение формы одежды. На дочь, одежда которой тоже была в явном беспорядке, он даже и

не взглянул. Узнав в полосатом дядьке начальника строевого отдела, курсант в ужасе завопил и, забыв попросить руки девицы, кинулся вниз, не считая ступеней. Рукосуев повертел в руках оставленную на подоконнике фуражку и в служебной задумчивости поднялся домой, сопровождаемый слезливыми оправданиями дочери.

На следующий день Рукосуев, вызвал охальника, вернул фуражку и наложил взыскание, но о дочери даже не упомянул.

Из рассказанного видно, что начальник СО был человеком цельным и решительным, но сейчас даже он находился в затруднении. Дело было необычным и непонятным: в роте Жучко объявился лунатик. Курсант Тараканов каждую ночь вылезал на широкий карниз пятого этажа и, растопырив руки, совершал длительные прогулки по всему периметру здания. Редкие прохожие, увидев фигуру в тельняшке и длинных чёрных трусах, сначала принимались орать, а сообразив, что это лунатик, бежали в училище и поднимали тревогу. Но вахтенная служба боялась не только втащить Тараканова в окошко, но даже просто окликнуть, опасаясь, что, разбуженный, он непременно шлёпнется об асфальт. Вдоволь нагулявшись, Тараканов возвращался в свою койку и спал сном праведника, а наутро натурально ничего не помнил.

– Вы вот что скажите мне, доктор, – насупился Рукосуев, – вы мне ответьте, лунатик он что – псих?

– Сомнамбулизм вряд ли можно считать психическим заболеванием, – не слишком уверенно доложил Бацилла.

– А эта гадость лечится? – спросил Рукосуев, недовольный уклончивым ответом.

– Радикально, пожалуй, нет, – доктор развёл пухлыми руками.

– Тогда последний вопрос: оно заразное или нет? Я потому спрашиваю, что некоторые курсанты из роты Жучко тоже начинают бродить по карнизам, спускаться по водосточным трубам и сматываться в город, а когда возвращаются, то пытаются пройти через КПП с закрытыми глазами. Это, понятное дело, симулянты, и мы их лечим усиленными строевыми занятиями и нарядами вне очереди, но вдруг среди них уже есть настоящие лунатики, а?

Бацилла вконец перепугался и понёс такую медицинскую ахинею, что даже сам покраснел и осёкся.

– Всё понятно, – вздохнул Рукосуев, – от науки помощи ждать нечего. Придётся самим... От нарядов его освободили? – покосился он на командира роты.

– Так точно. И от всех работ, – кивнул, всё ещё стоявший навытяжку, Жучко. – Кроме того, лично проверяю наличие личного состава роты в ночное время. И хотя момент выхода курсанта Тараканова на карниз зафиксировать не удалось, попутно выявлены некоторые замечания, которые и устранены мною.

Проговорив это, Жучко позволил себе поправить прядь волос, прикрывавшую лысину. Он умел говорить складно и совершенно по-военному.

– Хорошо, – Рукосуев устало потёр морщинистый лоб, – и вот ещё что...

Но досказать он не успел, раздался стук в дверь, и тут же она распахнулась настежь. На пороге стояла красная от возмущения, молодая, симпатичная преподавательница английского языка в узкой кофточке и короткой юбке. За плечо она держала слабо упирившегося, невысокого, толстенького, по-швейковски простолицего и круглоголового, курсанта, причём юный мореход был в одном ботинке, а другой держал в руке.

– Ну, я просто не знаю, что делать! – запричитала англичанка. – Бьюсь с ними, бьюсь, а произношения как не было, так и нет...

– И нэ будэ, – флегматично отреагировал курсант. – Та подумайте ж сами, Ѓалина Ѓеннадьевна, та де ж у нормального хохла можэ быть анґлийское произношэные...¹

¹ Ѓ читается и произносится как мягкая украинская и южнорусская [Г]. Все права на эту букву принадлежат автору. Шутка.

– Эт-т-то что такое? – побагровел начальник СО, вперяя в курсанта косой, испепеляющий взор. – Как вы можете являться в таком виде, да ещё не представившись?

– Звиняйте, виноват, то есть, – всё также невозмутимо проговорил курсант и, опустив руку с ботинком, добавил: “Товарыш капитан второго ранга, курсант Гунько прибыл, а вернэе будэ, доставлэн” – и он смиренно поглядел на сердитую англичанку.

– Пять нарядов вне очереди! – рявкнул Рукоусев. – Три дополнительных занятия по строевой подготовке!

– Ну шо це такэ! – заныл Гунько. – Шо я, сам к вам прибыл? Минэ Галина Геннадьевна приволокла.

– Вы меня, конечно, извините, – затараторила англичанка, – я понимаю, что произношение не по вашей части...

– Вот именно, – перебил её Рукоусев, – это дело совсем не по части строевой части...

– ...но то, что они себе позволяют на занятиях, это просто уму непостижимо! Гунько, покажите!

Флегматичный Гунько поднял над головой башмак.

– Это, если не ошибаюсь, тоже из твоей роты? – хриплым от бешенства голосом спросил Рукоусев. – Ты когда порядок наведёшь? Выперли тебя с флота, пригрелся здесь – так старайся!

– Я стараюсь! – испуганно крикнул Жучко и скомандовал: – Курсант Гунько! Ко мне!

– Есть! – ответил Гунько и, размахивая ботинком, приблизился к своему командиру.

Тот взял ботинок и заглянул внутрь, а затем показал начальнику. Рукоусев не только заглянул внутрь, но, взяв со стола маленькую линейку, что-то быстро измерил внутри башмака и, видимо, оставшись довольным, вернул обувку Жучко, а тот передал ботинок Гунько.

Преподавательница взирала на эти манипуляции, широко раскрыв пухлый ротик.

– Видите ли, Галина Геннадьевна, – Рукоусев счёл необходимым прояснить ситуацию, – завтра я провожу смотр этой роты, вот курсанты прямо на занятиях и устраняли последние недостатки. Это, конечно, безобразие, и я при вас обращаю на это внимание командира.

– Я не знаю, что они устраняли! – взвизгнула англичанка. – Они знаете, что делали? Они потихоньку под столами брили ботинки изнутри! Безопасными бритвами!

Англичанка сделала паузу и вытаращила подведённые глаза, видно, ожидая услышать изумлённые возгласы, но ничего подобного не последовало, Рукоусев и Жучко восприняли дивное сообщение с чисто военным хладнокровием.

– Вы присядьте, Галина Геннадьевна, – предложил Рукоусев. – Вот командир роты вам сейчас всё... того...

– Во время смотра роты, – начал чеканить Жучко, – будет среди прочего проверяться правильность маркировки формы.

Гунько! – приказал он. – Снимите воротник!

Гунько медленно отстегнул синий “гюйс” и показал англичанке сатиновую подкладку, где красовалась выведенная хлоркой белая прямоугольная рамочка, внутри которой было написано «Гунько» и проставлен номер.

– Вот так, Галина Геннадьевна! – улыбнулся Рукоусев. – Все, я подчеркиваю, абсолютно все предметы формы должны иметь соответствующую маркировку.

– И ботинки? – протянула англичанка.

– Непременно! – заверил её Рукоусев. – Вас удивило, что курсанты брили ботинки? Всё дело в том, что выдаётся две пары ботинок – холодная и тёплая. И если холодный ботинок можно без труда написать внутри, например, шариковой ручкой, то с тёплым ботинком, имеющим внутри начёс, дело обстоит сложнее.

– Но! – Рукоусев поднял вверх палец. – Я издал специальную инструкцию, в которой разъяснено, что внутри тёплого ботинка необходимо выбрить прямоугольник размером два на

четыре сантиметра и маркировку наносить именно в этом выбритом прямоугольнике, что вы и могли видеть, – он кивнул на Гунько.

– Это чтобы одежду не перепутать? – попыталась догадаться преподавательница.

– Не только, – уточнил Рукоусев. – Вот, например, останавливаю курсанта. За нарушение, разумеется. Следует записать и впоследствии примерно наказать, а нарушитель называет чужую фамилию! Таким образом, виновный может избежать наказания, а невинный – понести его незаслуженно. Но! – Рукоусев сделал пальцем вращательное движение вокруг головы. – Мы не глупее наших курсантов, а кое в чём, возможно, даже умнее. Курсант Гунько! – обратился он. – Покажите ремень!

Гунько, клацнув бляхой, расстегнул пояс и показал на внутренней поверхности рамочку со своей фамилией.

– Да-а-а! – протянула англичанка. – Но ведь...

– Правильно! – радостно хлопнул в ладоши начальник СО. – Вы совершенно правы – ремень также может оказаться чужим! Но, согласитесь, маловероятно, чтобы чужой оказалась вся одежда.

При этих словах Гунько бросил на Рукоусева взгляд, в котором промелькнула ирония, но тут же лицо его вновь сделалось равнодушным и сонным.

– Таким образом, – продолжал Рукоусев, – последовательно проверяя маркировку на предметах формы одежды, мы, в конце концов, установим личность нарушителя! Курсант Гунько! Предъявите маркировку на брюках!

Гунько вздохнул и послушно расстегнул клапан матросских штанов.

– Всё! – воскликнула англичанка. – Продолжайте без меня! А то вы его при мне догола разденете! – и стремглав вылетела из кабинета.

В коридоре она остановилась, подняла глаза к потолку и проговорила недоумённо: “Маркировка! Но ведь можно просто проверить документы! А может, документы тоже у них у всех поддельные?” – изумилась она своей догадке и застучала каблукочками, опасливо косясь на встречающих курсантов.

– Молоденькая ещё, – молвил Рукоусев. – Застегнитесь, Гунько, и можете быть свободны. Итак, – он снова повернулся к Жучко профилем, – сейчас я вам растолкую, как нужно действовать с этим лунатиком.

Старшина Лудишев, скрестив ноги, сидел на чужой койке и портняжничал: вшивал застёжку “молния” в боковой шов суконной форменной рубахи. Старшина обладал атлетической фигурой и, чтобы ещё больше подчеркнуть свою статью, ушивал форму до такой степени, что обычным способом её надеть было невозможно. Рукоусев жестоко преследовал подобное щегольство, но Лудишеву оно сходило с рук за несравненное умение выполнять строевые приёмы.

Перед старшиной с понурым видом стоял лунатик Тараканов. В углу кубрика кто-то бренчал на гитаре, а тощий и нервный курсант Абрамов кусал от волнения ногти, читая в подлиннике роман Жоржа Сименона. Абрамов превосходно знал французский и английский языки, отлично учился, был изобретателен по части всяческих нарушений Устава, позволял себе дерзить начальству, да к тому же умел столь виртуозно материться, что его уважали даже отслужившие “срочную” старшины. Впрочем, это своё умение он демонстрировал редко, утверждая, что талант нельзя разбазаривать по пустякам. Гунько неторопливо и монотонно рассказывал приятелям о приводе в строевой отдел, перемежая повествование жалобами и вздохами.

– Ну что, Таракан, – спрашивал старшина, – и когда же ты прекратишь эти свои ночные безобразия, а? Уж лучше бы ты по девкам бегал, как Абрамов.

Тараканов молчал.

– Вахту ты не стоишь, – продолжал корить его Лудищев, – значит, другие за тебя отдуваются. На камбуз тебя работать не посылают, чтобы ты в задумчивости в горячий борщ не нырнул. От строевых занятий тебя освободили? Освободили! Сачкуешь, Таракан, а народу это обидно. Народ, Таракан, очень не любит, если кому-то хорошо живётся. Правильно, народ?

– Правильно! – загалдели курсанты.

– Вот видишь! – укоризненно молвил Лудищев, прищуривая глаз и вставляя нитку в иголку. – Ты не молчи, Таракан, ты объясни корешам своё поганое поведение.

– Что ж я могу поделать? – развёл руками Тараканов. – Я, братцы, и сам не рад. Болезнь это. Ну, вроде трипперов у Абрамова.

– Ты мои триппера не трожь! – зло отозвался Абрамов. – Это недуг морской, всем понятный, от него товарищам никакого убытка. А вот где ты свою хворь намотал? Слушай, Таракан, а не мог бы ты во время этих своих припадков ходить где-нибудь подальше от нашей роты, а? Ну, хоть на плацу, что ли! А то я позавчера надел на манекен тельник, положил его в свою койку, да и пошёл в самоволку, как нормальный человек. Так тебе, паскуде, опять приспичило по карнизам болтаться. Дежурный офицер в наш кубрик прибежал и к окну кинулся, да по дороге за манекен задел, а рука-то из тельника вывалилась и бряк об пол. Так дежурный до окна не добежал, а лёг посреди кубрика и за сердце схватился. И теперь этот человек, который, правду сказать, даже не очень большая гадина, лежит в госпитале, я на месяц лишён увольнения, а манекен – вещь для всех нас необходимая – конфискован, и теперь на него наденут скафандр, дадут в руку гранату, и будет он стоять в классе водолазной подготовки как вечный тебе, зараза, укор!

Произнеся обличительную речь, Абрамов безнадёжно махнул рукой и снова принялся за детектив.

– Минэ усе едино, где вин там бродэ, – заметил Гунько, – та шоб вин вбывся усмятку. Но кажу ночь прибегае дэжурный и включает свит. А когда убегае, то свит не выключает. Так шо то за сон?

– Свет, – пробормотал Абрамов, не отрываясь от книги, – со светом мы, пожалуй, разберёмся. А может, и тебя – придурка, отучим от ночных глупостей, – посулил он Тараканову.

– Ясно одно! – Рукосуев хлопнул ладонью по столу. – Во время нахождения на карнизе будить его нельзя – разобьётся к чёртовой матери, а с нас погоня сдерут. Вместе с кожей. Придётся вам, как командиру роты, лично контролировать курсанта Тараканова. Его сон, значит. Важно поймать начало приступа и не дать этому лунатику выбраться наружу.

– Слушаюсь, – обречённо вздохнул Жучко.

– И чтоб всё было тихо! – напомнил Рукосуев.

Посреди кубрика довольный Абрамов демонстрировал товарищам новый манекен, придерживая его за талию. Манекен был розовый, совсем новый.

– А чего, мужика не нашлось? – криво усмехаясь, спросил Лудищев, косясь на грудь манекена.

– Скажи за этот спасибо! – обиделся Абрамов. – Мне за него ещё в универмаге отработывать, у тамошних девиц. Ну, хватит, хватит лапоть, извращенцы! – он поднял манекен и осторожно поставил в высокий шкаф, где висели шинели.

– Рота! Отбой! – завопил в коридоре дневальный.

Койка Абрамова стояла напротив таракановской. Курсанты уже улеглись и, по обыкновению, болтали перед сном, ругая нехорошими словами свою жизнь и начальство. Наконец Гунько заныл, что ему мешают спать, и Абрамов провозгласил:

– Ну, всё, кореша, спать! – и добавил. – Вот и день прошёл.

– А и хрен с ним! – хором ответили курсанты, как того требовала давняя традиция.

Когда все уснули, Абрамов тихонько поднялся, достал из тумбочки отвёртку и, ловко действуя в темноте, отвинтил колпачок выключателя. Потом вытащил коробку с огромными канцелярскими кнопками и, стараясь не шуметь, плотными рядами расставил их перед койкой лунатика. Если учесть, что ложе Тараканова стояло у стены, ему был только один путь – на кнопки.

– Сегодня мы тебя, Таракан, вылечим, – шепнул довольный Абрамов, – а завтра и манекен в работу пустим.

Он плотоядно улыбнулся, залез под кусачее одеяло, почмокал губами и быстро уснул.

Капитан третьего ранга Жучко тихонько отворил дверь в коридор своей роты и увидел спящего дневального. Но не это поразило бравого Жучко, насмотревшегося за годы службы на всякое, а сама поза дневального: он спал стоя, опираясь правой рукой на тумбочку с документацией и уткнувшись надвинутой на лоб шапкой в стену, как раз под плакатом: «Курсант! Ты должен терпеливо и бодро переносить все тяготы морской службы!» Дневальный спал естественно и сладко, по-лошадиному, подрагивая спиной и коленями. Жучко хотел было гаркнуть на разгильдяя, забывшего о священном долге – бодрствовать и глядеть в оба, но вовремя вспомнил, что его миссия требует тишины и скрытности. Командир роты развязал шнурки и снял ботинки. Ощущая ступнями холод натёртого до невообразимого блеска паркета, он двинулся по коридору. Курсант что-то взволнованно забормотал. Жучко замер.

– Жучок – сволочь! – вдруг явственно и отчётливо проговорил дневальный и вновь засопел и забулькал.

– Это он во сне, – догадался командир роты, заливаясь краской. – Ладно, попомнишь у меня! Я тебя научу любить службу и своего родного командира.

Он бесшумно пустился дальше, размышляя, как сделать невыносимым дальнейшее существование курсанта, проговорившегося в сонном беспамятстве. У кубрика, где помещался лунатик, Жучко остановился, осторожно приоткрыл дверь и проник внутрь. Внутри было темно, холодно и вонюче. Курсанты храпели, ворочались и скрипели пружинами коек, переживая во сне подробности дневной жизни. Жучко опустил на стул, поставил рядом ботинки, поёжился, пошевелил пальцами в носках, помянул недобрым словом безрадостную командирскую долю и стал дожидаться начала лунатического приступа. Приступ запаздывал, и Жучко, незаметно для себя, задремал.

В это время капитан второго ранга Рукосуев, имевший некоторую склонность к ночным налётам, прибыл в училище, обласкал помощника дежурного за бравый вид и громкий голос, приказал никому не сообщать о своём появлении и отправился в роту Жучко, чтобы лично проконтролировать готовность к пресечению лунатического безобразия, а если потребуется, то и принять на себя руководство.

Дневальный продолжал спать всё в той же лошадиной позе, являя полную неготовность следовать призыву плаката. Как и Жучко, Рукосуев некоторое время боролся с искушением учинить скандал, но, пересилив себя, также разулся и заскользил по коридору. И тут нерадивый курсант опять забормотал что-то, не просыпаясь, а потом громко обозвал сволочью уже самого Рукосуева.

Впоследствии обнаружилось, что молодой человек обладал экстрасенсорными способностями, а значит, той ночью имело место не заведомое хамство, а, так сказать, высшее чувствование начальственной близости.

Когда Рукосуев услышал бессознательный отзыв в свой адрес, то не только мысли его потекли в том же направлении, что у Жучко, но и действия были повторены в точности. Негодуя в душе, балансируя на скользком паркете и держа в растопыренных руках ботинки, Рукосуев приблизился к кубрику, где дремал в засаде Жучко.

Сморенный дремотой командир роты не видел, как Тараканов внезапно и резко сел на койке, вытянув вперёд худые руки. Некоторое время он оставался неподвижен и, вдруг решительно откинув одеяло, спрыгнул на пол.

В это же время Абрамову снилось, что он оказался в постели чертовски милой, временно одинокой молодой женщины. Тело его уже напряглось в любовном ожидании, когда раздался первый истошный вопль.

«Муж вернулся!» – мгновенно догадался прелюбодей и, повинувшись спасительному движению рассудка, выскочил из койки прямо на им же расставленные кнопки. Прозвучал второй вопль, орнаментированный матюгами.

Жучко проснулся, бросился к выключателю, нашарил его, и удар тока пробил командирское тело от макушки до пяток. Итак, вопль Жучко стал третьим по счёту в эту беспокойную ночь.

Начальник строевого отдела ворвался в кубрик. Но за секунду до его появления Жучко успел оторваться от выключателя, чтобы не упасть, ухватился за ручку шкафа и потянул её. Дверка отворилась, и спрятанный за нею манекен вывалился на несчастного командира роты.

Появившийся на сцене с ботинками в руках Рукосуев стал свидетелем изумительного зрелища: в тусклом свете коридорных ламп двое курсантов, отчаянно матерясь, выковыривали из пяток большие кнопки, а на полу катался капитан третьего ранга, пытаясь одолеть вцепившуюся в него совершенно голую женщину.

– Что здесь происходит, чёрт бы вас всех побрал?! – закричал Рукосуев и, не глядя, протянул руку к выключателю, чтобы осветить происходящее бесчинство.

После четвёртого вопля Гунько открыл глаза и проканючил: – Ну, шо це такэ? Ну, товарищцы офицэры, та дайте ж покою!

Остальные курсанты продолжали дрыхнуть, а может и притворялись, подлецы!

Научный эксперимент

Матрос Ивашкин лениво покручивал штурвал и думал о капитане. Капитан смотрел вперёд, где с шуршанием раздвигался под форштевнем молодой блинчатый лёд, и думал об Ивашкине. Думали они друг о друге очень плохо.

Ивашкин, которого за какие-то очередные фокусы назначили в невыгодный арктический рейс, ознаменовал своё появление на судне пакостью – придумал капитану прозвище. Оно прилипло сразу и намертво. Прозвище было звучным, обидным и чертовски точным – Динозавр.

Как известно, для экзотических пресмыкающихся мезозойской эры было характерно сильное развитие задних конечностей и крестцового отдела спинного мозга, который по объёму раз в десять превосходил головной. Так вот, задние конечности капитана походили на слоновьи, а на квадратном торсе помещалась маленькая голова, из чего можно было заключить, что главную роль в обработке поступающей извне информации играл именно крестец. Вовсе не хочу сказать, что капитан был глуповат, ум-то ведь понятие смутное, расплывчатое. Оттого мы и называем друг друга с такой лёгкостью “дураками”. Во всяком случае, крестец, который Динозавр в трудные минуты слегка массировал, словно побуждая к активной работе, никогда не подводил хозяина. Нижний мозг выдавал решения столь безупречные, что это вызывало тайную зависть большеголовых капитанов-интеллектуалов, у которых крестцовый отдел спинного мозга пребывал в обычном, то есть недоразвитом состоянии. Что касается пресмыкания, здесь тоже всё было точно – при общении с начальством непреклонная капитанская суровость мгновенно сменялась галантерейной предупредительностью, а спина округлялась.

Капитан довольно скоро узнал, что теперь он – Динозавр, совершенно правильно связал новость с появлением Ивашкина и стал последовательно сживать наглого матроса со свету. Старпом также подключился к этому увлекательному занятию. Однако Ивашкин оказался не прост. Начальственной придирчивости он противопоставил такую дисциплинированность и трудолюбие, что Динозавр понял – голыми руками этого не возьмёшь! А Ивашкин, оценив природную капитанскую грубость, сделался в общении оскорбительно корректен и необидчив. Лукавый негодяй стал употреблять слово “отнюдь”, от которого Динозавра просто корёжило. Однажды, когда капитан в очередной раз к чему-то прицепился, Ивашкин мягко заметил: «Право же, вы напрасно так гневаетесь!», чем едва не загнал своего недоброжелателя в могилу.

Раздался телефонный звонок. Динозавр снял трубку и раздражённо буркнул: «Капитан слушает! Радиограмма? А сам не можешь принести? Лень задницу оторвать? Ладно. Ивашкин! Сходи к радистам!»

Ивашкин крикнул: «Есть!», переключился на авторулевой, доложил курс и выскочил из ходовой.

– Исполнительный! – одобрительно заметил вахтенный помощник.

«Чтоб он сдох!» – подумал Динозавр.

Ивашкин мигом вернулся и протянул бланк.

– Читай! – велел капитан, забывший очки в каюте.

– «Согласованию паромом прошу снять полярной станции острова злополучный научного работника аппаратуру клопов», – медленно, с расстановкой прочитал Ивашкин.

– Было такое указание, – кивнул Динозавр. – У них на полярке какой-то умник сидит. Постой! Каких ещё клопов? Ты что мелешь?

Ивашкин прочитал текст ещё раз.

– Сами взгляните! – пожал он плечами.

Динозавр взял бланк, отодвинул его на расстояние вытянутой руки и выпятил нижнюю губу.

И ведь сколько он всяких радиogramм перевидал на своём веку, но тут, видно, проистёк от Ивашкина некий пакостный флюид.

– Действительно! – крикнул Динозавр. – Клопы! А?

– Досиделись они там, эти полярники! – хихикнул помощник. – Клопов развели!

– Я читал, что клопы чуть ли не самые древние насекомые, – позволил себе встрять Ивашкин. – Это, наверное, не просто домашние клопы, их, может быть, из шкуры мамонта выморозили. Значит, они доисторические!

– Стало быть, большие! – заключил Динозавр, потирая копчик. – Раньше всё больше было, чем сейчас. Только нам это ни к чему. Мы – не зверинец, а торговое судно. Пусть присылают за своими клопами специальный пароход. А здесь я хозяин! Помощник! Радио на станцию: «Принять на борт клопов отказываюсь».

– И ещё! – Динозавр непрерывно массировал крестец. – В пароходство: «Вынужден отказаться доставки клопов полярной станции острова Злополучный ввиду непригодности судна неподготовленности экипажа специальным перевозкам». Давай подпишу! Ивашкин! Отнеси радистам!

И тут начался интенсивный радиообмен между полярной станцией, судном и пароходством, где заподозрили неладное и пытались по содержанию радиogramм определить степень помешательства капитана и его пригодность к исполнению обязанностей.

В самый разгар заварухи Динозавр догадался ещё раз взглянуть на бланк, и то ли в голову, то ли в крестец явилось озарение.

– Это не клопы! – заорал капитан. – Это подпись в конце – Клопов! Фамилия такая – Клопов! Это начальник станции! Где Ивашкин? Где эта зараза?

Но формально упрекнуть матроса было не в чем. Капитан, ведь, и сам читал текст. А что имел место выброс флюида, затмившего разум, так об этом серьёзному человеку даже думать неприлично. Тем более что в пароходстве, посоветовавшись, от перевозки клопов разрешили отказаться.

Ученый доктор был доставлен на судно. Тут случилась ещё одна фонетическая накладка. Звали доктора – А. П. Ельсин. Вахтенный помощник на слух записал в журнал: «На борт доставлен врач Апельсин», и с этой минуты доктор сделался пассажиром. И причём весьма хлопотным!

Вырвавшись с полярной станции, где люди уже настолько надоели друг другу, что объяснялись жестами и междометиями, Апельсин с неистовостью предался общению. Говорунном он оказался патологическим, эрудиция его превосходила все мыслимые пределы, а желание делиться информацией вовсе пределов не имело. Болтливостью моряков не удивишь, но они ценят трёп остроумный, затейливый. Апельсин же был скучен до ломоты в зубах. Поэтому, завидев его, люди поскорее прятались кто куда, а не успевший увернуться получал часовую лекцию по какой-нибудь неожиданной теме.

Ивашкин, однако, сумел с Апельсином подружиться. Товарищи диву давались, как он умудрялся часами слушать умного доктора и не подвинуться рассудком. А секрет был прост – Ивашкин умел спать с открытыми глазами, сохраняя на лице выражение участия и внимания. Так они и общались: Апельсин вёл нескончаемый монолог, Ивашкин дремал, а пробуждаясь на время, умудрялся вставлять короткие реплики. Доктор полюбил его всей душой, проникся доверием и однажды признался, что чертовски соскучился по научной работе. Собственно, он и на полярную станцию подался, чтобы “изучать функционирование человеческого организма в экстремальных условиях Арктики”. Но полярники оказались людьми чёрствыми и наотрез отказались подвергать свои организмы экспериментам. Даже от сдачи крови для анализов они отбрыкивались всеми силами.

– Понимаю, – моргнул Ивашкин, – кто же просто так свою кровь отдаст!

– Не просто так! – пожаловался Апельсин. – Я же их, гадов, спиртом поил. Спирт выдули, а кровь так и не сдали!

– Это нехорошо, – укорил полярников Ивашкин, – это нечестно.

– А я-то планировал ещё и сперму для анализов собрать! – сетовал доктор. – Так они, паразиты...

Тут учёный разразился докладом о влиянии арктических условий на физиологию, а Ивашкин задремал и глазами моргать перестал. Видать, во сне и пришла ему в голову благородная мысль – помочь бедному исследователю.

– Доктор, а ведь мы, моряки, тоже находимся в экстремальных условиях, – сообщил он, проснувшись, – и сам чёрт не знает, что с нашей несчастной физиологией творится.

– Думаете, сдадут кровь? – в Апельсине встрепенулась надежда. – Спирта, ведь, нету!

– А что есть? – поинтересовался Ивашкин. – Нужно чем-то привлечь подопытных! Вы на борт гору ящиков приволокли, неужели в них ничего полезного для жизни не найдётся?

– А-а-а! – махнул рукой доктор. – Приборы да медикаменты.

– Какие медикаменты? – не унимался Ивашкин. – Пошли, посмотрим!

Они отправились в кладовую и принялись вскрывать ящики.

– Таблетки нам ни к чему, – бормотал Ивашкин, перерывая содержимое докторского багажа, – мази всякие – тоже. А это что такое? – он вытащил небольшой пузырёк с желтоватой жидкостью.

– Настойка лимонника, – пояснил Апельсин. – Это такое стимулирующее...

– На чём эта настойка настояна? – перебил Ивашкин.

– Спиртовый раствор, – доктор раскрыл рот. – А это можно...

– Думаю, можно, – в голосе Ивашкина звучала убеждённость. – Дайте-ка я попробую!

Он откупорил бутылочку, мигом высосал содержимое, скорчил рожу, потряс головой, облизнулся и спросил, как велики запасы этой жидкости?

– Десять коробок, – прикинув, доложил доктор.

– Дураки они – ваши полярники, – икнул Ивашкин. – Да и вы тоже хорош!

– Я про этот лимонник забыл, – признался Апельсин.

– Вот и хорошо, что забыли, – утешил его Ивашкин. – Ладно, сегодня я ещё испробую на себе, и если не отдам концы, мы с вами проведём кампанию по сбору анализов.

– Неужели и сперму сдадут? – изумился доктор.

– А чего её жалеть, – рассеянно ответил Ивашкин, думая о чём-то своём. – Вот только нужно поспешить, родной порт уже близко.

Вечером смелый экспериментатор вытряс в большую кружку полдюжины флаконов, слегка разбавил водичкой, в два присеста выдул, закурил и стал прислушиваться к ощущениям. Ощущения оказались самыми отрадными.

– Не хуже коньяка будет! – обрадовался Ивашкин. – Жаль, мало взял!

Однако прошло ещё немного времени, и чувство лёгкого, но прочного кайфа дополнилось ещё одним чувством. И весьма сильным.

– Вот тебе и лимонник! – крикнул Ивашкин, ощущая, как натянулась ткань на штанах. – Одно слово – стимулятор! Вот беда-то! Ай-ай-ай!

Он запер каюту изнутри и попытался укротить плоть струей холодной воды над раковиной. Не помогло.

Что происходило с ним дальше – никто толком сказать не смог бы. Вроде слышали у дверей женских кают в ту ночь какое-то шарканье, поскребывание и пощёптывание. Утром же Ивашкин явился на вахту в тёмных очках, чтобы скрыть свежий синяк и яркую желтизну глаз – следствие употребления лимонника.

Итак, действие спиртоносного препарата оправдало ожидания, а что касемо побочного эффекта, то Ивашкин решил, что он может оказаться очень даже полезным в затеянном деле.

Поразмышляв как следует, он дождался послеобеденного часа – краткого промежутка, во время которого со старпомом можно было разговаривать, как с нормальным человеком.

– Прошу разрешения! – он вежливо приоткрыл дверь каюты.

– Какого хрена? – благодушно отозвался старпом, ковыряя в зубах штурманским циркулем.

– Имею донос, – потупился Ивашкин.

– Что-о-о! – старпом приподнялся на диванчике.

– Полярный доктор телегу накатыл! – наябедничал матрос. – И на капитана родного, и на вас, и на весь наш дружный экипаж. Никого, гад, не пожалел!

– Ты чего несёшь? – старпом вспрыгнул на ноги.

– Я правду говорю! – Ивашкин прижал руки к груди. – Написал, что сначала не хотели на борт брать, а теперь тормозят прогресс науки, саботируют, значит! Разрешите присесть? От волнения едва ноги держат.

И усевшись, живописал страдания Апельсина, лишённого возможности двигать науку.

– И ничего ему не перепало, – заключил Ивашкин, – ни крови, ни спермы.

– А дерьма ему не надо? – злорадно ухмыльнулся старпом. – Дерьма бы дали!

– Про дерьмо разговора не было, – Ивашкин слегка наклонил голову. – А только по возвращении скандал может приключиться. Начальство науку уважает.

– Так что же нам с этим клизмачом делать? – растерялся старпом. – Может, пусть его волной смоем?

– Я, как раз, за этим и пришёл...

– Неужто мокруху на себя возьмёшь? – засомневался старпом.

– Да нет же! Я не об этом! Вот вы с кэпом всё время меня дрючите, а Ивашкин зла не помнит. Ивашкин даже за тех, кто его не любит, душой болеет!

– Глазом тоже болеешь? – хохотнул старпом. – У тебя фингал даже через очки виден! К чему клонишь, нелюбимый?

– Анализы нужно сдать! – с расстановкой проговорил Ивашкин. – Для начала хотя бы сперму. Я возьму на себя низы, а вам придётся убедить командный состав. В том числе капитана, тогда все обвинения окажутся беспочвенными.

– Как же убедить? – задёргался старпом. – Кто же на такой срам пойдёт?

– А никакого сраму и нет, – продолжал уговаривать Ивашкин. – Одно удовольствие и польза науке.

– Не знаю, не знаю, – продолжал сомневаться старпом.

– А чтобы процесс шёл легко и непринуждённо, Апельсин выдаст специальное средство, напиток то есть, крепости неопикуемой.

– Говоришь, крепкий напиток? – заколебался старпом.

– Крепкий, вкусный и бодрящий! – Ивашкин почмокал губами. – А тарой для анализов я всех обеспечу. Дело нужно провернуть тихо, чтобы наш судовой лекарь не пронюхал раньше времени. Он же учёному этому, знаете, как завидует!

– Действуй! – решился старпом. – Гадость, конечно, а что делать?

Получив санкцию, Ивашкин навестил боцманскую команду, мотористов и ещё много кой-кого. Вечер выдался хлопотным. Видели его, сновавшего по трапам с какими-то ящиками, видели, как шептал он на ухо то одному, то другому, и ухо слушавшего при этом краснело.

Наутро Апельсин был разбужен деликатным стуком в переборку. Позёвывая, он вылез из койки, отворил дверь и отшатнулся. На пороге, глуповато улыбаясь, стоял боцман, держа в руках большую банку. Глаза боцмана светились яркими одуванчиками.

– Получите, доктор! – он протянул банку.

– Это что такое! – обомлел Апельсин, машинально принимая тяжёлый сосуд.

– Анализы! – прошептал боцман, краснея и озираясь. – Анализы я принёс. Семя, значит. По-вашему, по-научному – сперма будет.

– Почему так много? – оторопел Апельсин.

– Так от всей палубной команды, – объяснил боцман. – А потом ещё и мотористы добавили. За напиток – спасибочки. Ох и забористый, едрёна вошь!

– Да вы с ума сошли! – затрясся доктор. – Надо было каждому! В пробирку! – он схватил со стола пробирку и сунул под нос боцману.

– Вы что? – обиделся тот, разглядев стекляшку. – Да как же в такую хреновину возможно поместиться? А банка – в самый раз! – и покраснел ещё гуще.

– Идиотизм! – заверещал Апельсин. – Невежество!

– На вас не угодишь, – с достоинством возразил боцман. – Ребята всю ночь старались, а вы такие слова... – и ушёл, топоча сапогами.

Апельсин уже хотел шарахнуть дверью, но не успел, в каюту протиснулся старпом, жёлтоглазый и смущённый.

– Это от всего комсостава, – буркнул он. – Теперь чтобы без обид и жалоб! – и водрузил на стол точно такую же банку. – Отмечаю, наше с капитаном – тоже здесь!

Следующие полчаса поголовно жёлтоглазый экипаж занимался тем, что ловил обезумевшего Апельсина. Учёный носился по трапам и коридорам, держа в руках трёхлитровую ёмкость и выкрикивая оскорбления в адрес экипажа, отдельно поминая Динозавра. Будучи зажат в угол, доктор отбивался ногами, а потом, прицелившись, запустил тяжёлой банкой в голову старпома, руководившего облавой. И попал. После чего, проорав напоследок какое-то грязное латинское ругательство, сдался.

Заботу о тронувшемся принял на себя судовой врач, но лечил небрежно, без души, ибо не мог простить Апельсину сокрытие научного намерения.

Ивашкину грозил суд Линча, но, поразмыслив, команда решила, что поскольку пострадали все поголовно – это всё же не так обидно.

– Ещё успеем утопить! – решил экипаж.

В ту же ночь у каюты капитана появилась пустая трёхлитровая банка. Обнаружив посудину, Динозавр с ужасом осознал, что теперь эта банка будет преследовать его до конца карьеры, не спасёт даже бегство в другое пароходство. Заход в порт несколько отвлек капитана от мрачных размышлений, но беды не закончились. Санитарные власти обычно не устраивают налёты на судно, вернувшееся из каботажа, но история с отказом везти клопов не забылась, и медики решили всё же навестить несчастный пароход. И обнаружили массовую желтоглазость, что, как известно, бывает при гепатите, проще говоря – желтухе. Прибыла бригада инфекционистов, судно выгнали на карантинную стоянку, и вместо объятий родных команда принялась сдавать анализы. На этот раз – по-настоящему.

Вспыхнул бунт – бессмысленный и беспощадный. Но когда подошли к каюте Ивашкина, чтобы вытащить и растерзать, обнаружили у дверей два ящика лимонника. Их забрали и решили разделаться хотя бы с Апельсином, но у его каюты нашли уже четыре ящика. Тут смягчились сердца моряков, и снизили на них благодать и умиротворение.

А через пару дней разобрались, что нет никакой желтухи, а есть обычное безобразие. Судно разрешили встать к причалу. Но для Динозавра история продолжилась – его отвезли в специальную клинику, где показали “клоповые” радиограммы и долго мучили унижительными тестами, покуда не убедились, что он помешан ничуть не более чем все остальные моряки на свете.

Собачьи острова

– Ты, Ивашкин, совсем с ума уехал! – рассердился первый помощник (в миру – замполит). – Ты подумай мозгой своей ушибленной, о каком заявляешь? Чтобы я тебя, в одном числе, отпустил на берег, да ещё в иностранном порту, да ещё в оголтелом от буржуазного счастья, в так выразиться, фенешебельном Лас-Пальмасе? Да я кажинные сутки твержу вам о нестерпимой бдительности и достоинстве против провокаций не терять товарищей из виду когда увольнение! А может, ты в пьяном употреблении?

– Трезвый я! – обиделся Ивашкин. – Уже двое суток здесь стоим, а я ещё и города не видел. Ну, не с кем идти, не с кем! Одни уже на берегу, другие при деле. Я и так еле отпросился у боцмана. Да и потом...

– Договаривай по чистой, чего ни есть, совести! – первый помощник поднял белёдые ресницы.

– Вы – человек высокой культуры! – выпалил Ивашкин, и первый помощник вздрогнул, ибо за всю жизнь никому в голову не пришло так его обозвать. – Имею мечту – хочу посетить музей Колумба, в доме, где он останавливался на пути в Америку.

– Это – какого Колумба? – заинтересовался культурный человек.

– По имени Христофор, – пояснил Ивашкин. – В Лас-Пальмасе вообще много интересного.

– Я здесь в раз пятый здесь раз, – засомневался первый помощник, – и не про какой Колумба, такой музей Христофора, не слышал.

Ещё бы! – подумал Ивашкин. – Ты же, наставник наш хренов, дальше дешёвых припортовых лавок не лазаешь!

Однако вслух подтвердил, что музей имеется, и даже назвал адрес.

– Откуда взял узнал? – насторожился первый помощник.

– А вот! – Ивашкин вытащил из-за пазухи сложенный план. – Ребята принесли, – и, разложив большой лист на столе, ткнул пальцем в обсуждаемый объект.

Первый помощник надел очки и стал водить пальцем по глянцевой поверхности.

– А мы где есть стоим? – поинтересовался он.

– Да вот же! – Ивашкин ткнул пальцем. – Пирс де ла Лус.

– А где Колумба твоего музей Христофора?

– Вот здесь, – показал Ивашкин, – нужно доехать до площади Санта-Анна.

– Ох и далеко поселился, – почесался первый помощник. – Ненормальный ты всё же в умственном понятии. Которые нормальные, распространяются доступно средствам и ценам. Культурный аксепт понятно привлекать нужно, – спохватился он, – а не только, чтобы скупать мешками согласно легально полученной валюты и таможенных норм нарушать в составе организованной группы! Так? – повернулся он в сторону человека, равнодушно слушавшего беседу.

Человеку этому было лет тридцать пять, на судне он объявился перед самым отходом и был вписан в судовую роль как дублёр старпома. Команде же объяснили, что готовят его в первые помощники и в рейсе он будет помогать замполиту, набираясь идеологической сноровки. Экипаж отнёсся к этому известию равнодушно, все понимали, что пришелец ни черта делать не будет. Хорошо, если не станет оживлять политико-воспитательную работу, хватит и одного комиссара – «Капитал» ему в задницу!

Дублёр оказался человеком безбидным: дал понять, что в морских делах мало что смыслит, свой пассажирский статус воспринял без обид, никому не надоедал. Говорил мало, больше слушал, общался в основном с первым помощником. В Лас-Пальмасе, однако, Дублёр оживился, часто отпраивался в город в компании замполита или с представителем советской

фирмы, занимавшейся на Канарах ремонтом и обслуживанием судов. Представитель этот – полноватый блондин в первый же день выступил перед моряками с краткой лекцией о Канарах, причём не столько описывал достопримечательности Лас-Пальмаса, сколько давал рекомендации по “нежелательным для посещения районам”. Судя по всему, районы эти он облазил вдоль и поперёк.

Представитель во время насыщенного диалога Ивашкина с первым помощником тоже находился в каюте. Прихлебывал чай и отстранённо листал порнографический журнал, отобранный замполитом у какого-то неосторожного матросика.

– Отпустите Христофора ради! – продолжал со слезой в голосе Ивашкин. – Ведь если бы я что худое задумал, стал бы я отпрашиваться?

– В группе по инструкции иностранном порту тремя людьми! – стоял на своём замполит.

– Да кто же со мной в музей пойдёт! – вскричал Ивашкин. – Где такого идиота сыщешь?

Представитель отложил журнал и впервые взглянул на матроса. Потом перевёл взгляд на Дублёра и чуть опустил веки.

– Вот что, товарищ Ивашкин, – Дублёр выбил пальцами на столе короткую дробь, – желание ваше понятно. Вы пока идите, а мы тут обсудим. Вас вызовут, – и когда за Ивашкиным закрылась дверь, вопросительно поглядел на первого помощника. Но тот в ответном взгляде изобразил вопросительность ещё большую, видно, имея к тому основания.

– Расскажите коротенько, что за человек этот матрос? – попросил Представитель.

– Языки понимает! – многозначительно прищурился первый помощник.

– Чьи языки? – опешил Представитель.

– Не наши языки. Буржуазные, – пояснил замполит. – Английский читает и ещё этот, ну, как его? Ну, где мы сейчас стоим?

– Канарский, что ли? – без улыбки уточнил Представитель.

Первый помощник задумался.

– Нет, не канарский, – наконец отозвался он, – я знаю, канарский – это другой. А этот, ну как его... Испанский! Во! Испанский! Но со словарём. Словарь у него имеется. Большущий такой!

– Так! – вздохнул Представитель и сочувственно похлопал Дублёра по коленке. – А замечания по поведению на берегу у него были?

– Были! – выкрикнул первый помощник. – Арестовывался полицией! Но не наказан, по причине хитрой невинности.

– Разрешите мне, – вмешался Дублёр, понимая, что необходимы пояснения.

– Ничего особенного, обычное недоразумение. Нет, правда, недоразумение, я разобрался. Это в Уругвае было, в Монтевидео. Пошли на пляж несколькими группами. Пляж в заливе Ла-Плата, воды по колено, чтобы окунуться, нужно километр топтать. Вот Ивашкин и потопал. Зашёл дальше всех, поплескался и назад пошёл. А навстречу ему какой-то местный тащится, тоже, видать, любитель большой воды. Ну, поравнялись они, Ивашкин возьми да и спроси, как, мол, называется этот пляж? Тот отвечает: «Рамирес». Шутник наш спрашивает: «А страна?» Тот машинально отвечает: «Уругвай». Ивашкин поблагодарил и дальше к берегу пошёл. А местный этот минуты две соображал, а потом как рванёт к пляжу! Выбрался, запыхавшись, и сразу к полицейским – вон человек бредёт к берегу со стороны океана и с акцентом спрашивает, в какую страну идёт? Ясно, шпион! Ивашкин ещё и на сушу не ступил, как ему наручники нацепили. Я с ним в полицейский участок ездил. Они, как разобрались, чуть со смеху не передохли.

– Кстати, о языкознании, – вспомнил Представитель, – а кто это во время швартовки объяснялся с буксиром? Весь порт, затаив дыхание, слушал. Даже собаки бегать перестали.

– Он! Он! Ивашкин! – закудахтал замполит.

– Извините, – опять перебил его Дублёр, – я как раз на мостике был, разрешите уж мне и про этот случай доложить.

Замполит недовольно покосился на него, но и тут спорить не стал.

И Дублёр рассказал, как было дело. Ивашкин, узнав, что предстоят рейсы с заходами в порты испано-язычных стран, записался на курсы. На занятия он ходил от случая к случаю и больших успехов не выказал, но преподаватель, ни разу не бывавший за границей, к моряку благоволил. К нему-то Ивашкин и обратился незадолго до выхода в море с несколько странной просьбой.

– Вот, – матрос вежливо кашлянул и протянул тонкую школьную тетрадь, – напишите мне, пожалуйста, испанские выражения.

– Какие именно? – преподаватель с готовностью раскрыл тетрадь.

– Ну, эти самые... ненормативные, – Ивашкин вспомнил нужное слово.

– Какие, какие?

– Ну, ругательства! – досадливо пояснил ученик. – Сами понимаете, могут пригодиться.

– Чуть какая-то, – покрутил головой учитель. – А впрочем, если вам нужно...

– Ещё как! – Ивашкин возвысил голос – Только чтобы позабористее.

– Тогда нужно посмотреть кое-какую литературу. Ладно, на следующее занятие принесу.

– Знаете, а ведь я вам благодарен! – признался он через неделю, вручая Ивашкину готовое пособие по испанским матюкам. – Много для себя нового узнал. Даже со специалистами повидался. Интересная тема, если копнуть. А теперь объясню вам, как строить эти выражения и разнообразить их, создавая новые конструкции.

Перед заходом в Лас-Пальмас заказали буксир. Но то ли лоцман давал непутёвые команды, то ли экипаж буксира был с утра пьян, а всё выходило как-то наперекосяк, и капитан уже собирался взять руководство швартовкой на себя. Тут Ивашкин, поставленный на левое крыло мостика, и попросил разрешения спуститься в каюту за конспектом с необходимыми испанскими выражениями.

– Думаешь, поможет? – спросил капитан, известный своим либерализмом. – Ну, принеси, хуже не будет, – и принялся наблюдать за тем, как буксир, вместо того чтобы прижимать нос, вдруг отвалил и стал описывать циркуляцию.

Лоцман ударил себя кулаком по темечку и заорал что-то в портативную рацию. На буксире внимательно выслушали и сгоряча воткнулись между судном и причалом. Лоцман сгорбился, и на глазах его показались слёзы.

– Полный назад! Право на борт! – скомандовал капитан и сокрушённо добавил. – Как бы нам этих придурков не раздавить!

В этот момент на мостике объявился запыхавшийся Ивашкин и вопросительно взглянул на капитана. Тот лишь махнул рукой и подал очередную команду, чтобы на этот раз отвести от причала корму. Ивашкин, принявший капитанский взмах за разрешение действовать, вышел на крыло мостика, схватил микрофон, открыл тетрадку и, что есть мочи, заголосил на всю бухту. Он, тщательно артикулируя, прочитал все имевшиеся выражения от первого до последнего, потом без передышки повторил чтение с конца в начало. Из трубы буксира донеслось громкое: «Пук!», и он с ходу застыл на месте, чего с плавсредствами не бывает.

Одновременно с буксиром столбняк поразил и его команду – отчаянные канарцы застыли в причудливых позах, вслушиваясь в родную брань, звучащую столь необычно. Все слова и выражения были хорошо знакомы и повседневно употребляемы, однако иноземный акцент, диковинные ударения, а главное высочайшее воодушевление говорившего заставили моряков недалёкого плавания испытать неведомый доселе трепет. Оцепенение продолжалось всего пару минут, потом вторично раздалось «Пук!» Люди забежали по палубе, и буксир, наконец, начал делать то, чего от него как раз добивались. Островитяне работали грамотно, с огоньком, а

Ивашкин через мощные судовые динамики продолжал подбадривать их, комбинируя причудливым образом бранные выражения и создавая удивительные по выразительности идиомы.

Когда носовые, кормовые, продольные и прижимные концы были заведены, капитан повернулся к Ивашкину и подмигнул. Лоцман, у которого камень упал с сердца, обнял Ивашкина и попросил показать тетрадку. А проглядев её, сделался задумчив и убыл с борта, даже не приняв традиционной рюмки. Примерно так изложил историю Дублёр.

– Шутник, значит, – без улыбки удостоверил Представитель, которому сущность Ивашкина, кажется, стала ясна. – Ну что же, юмор хорошему делу не помеха. Может, отпустим его под вашу ответственность? – повернулся он к первому помощнику.

– Под... Почему – мою? – перепугался замполит.

– А как же иначе? – удивился Представитель. – Кто занимается воспитанием экипажа? А воспитание – не только требовательность, но и доверие. Я, конечно, не могу давать вам советы, но на вашем месте мне было бы интересно посмотреть, как поведёт себя человек в одиночном, так сказать, увольнении?

– Оно, конечно, проверить... – с глубокой тоской согласился первый помощник, – а задница у меня окончательно не резиновая...

– Вы его хорошенько проинструктируйте, – продолжал Представитель, – не торопясь, обстоятельно, как вы это умеете, да и отпустите. Примерно через часик. И помните о доверии! Ну, а мне пора ехать, увидимся вечером, – и ушёл без рукопожатий.

– На него всё это свалить, если что? – подумал замполит. – Или на Дублёра?

Как бы дело ни обернулось, а спрос с первого помощника, – размышлял Представитель, спускаясь по трапу.

– Я тоже пойду, – поднялся Дублёр, а сам прикинул: «С меня взятки гладки, в случае чего – пусть они и отдуваются!»

Первый помощник отнёсся к инструктированию Ивашкина чрезвычайно серьёзно: битый час, в присущей ему образной манере, он живописал сложности международной обстановки и призывал бороться за высокие урожаи зерновых. Однако, наконец, стал иссякать и закончил напутствием: «Чтобы этого нельзя потому, вот! А то, если будет, значит получится. И потом, каждый должен, где окажется в достоинстве. Всё понял?»

– Понял, – подтвердил проснувшийся Ивашкин, – исполню в точности, можете быть спокойны.

В коридоре он столкнулся с четвёртым помощником – молодым и чрезвычайно бойким пареньком. За приставучесть его прозвали Пластырем. В команде он был чуть ли не самым молодым, и вне службы к нему относились с некоторой фамильярностью.

– Отпустил? – подступил он к Ивашкину. – Одного отпустил?

Ивашкин утвердительно крикнул.

– И чего он тебе сказал? – не отставал Пластырь.

– Сейчас! – Ивашкин сглотнул, прогоняя комок в горле. – Значит, так: «Чтобы этого нельзя потому, вот! А то, если будет, значит получится. И потом, каждый должен, где окажется в достоинстве и по обязательствам». Ну, и так далее. Всё понял?

– Как не понять! – подтвердил штурман. – Я тоже хочу отпроситься. Раз такая масть пошла, нужно попробовать, а? Ты чем его достал?

– Музеем Колумба! – гордо ответил Ивашкин.

– Здорово! – восхитился Пластырь. – Слушай, придумай и для меня что-нибудь заковыристое в этом роде!

– Я придумаю, а он меня к тебе и пристегнёт, – встревожился Ивашкин.

– А я дождусь, пока ты сойдёшь, – успокоил его Пластырь.

– Ну, – предложил Ивашкин, – в том же районе есть ещё собор Святой Анны, например.

– Собор не годится, – отмахнулся Пластырь. – Он мне начнёт объяснять про “враждебные происки леригиозных агитаций”. Что там ещё есть?

– Собаки там есть, – Ивашкин уже начал досадовать. – Чугунные собаки. Там же. Не хочешь собор, скажи, что желаешь полюбоваться собаками, это рядом с муниципалитетом.

– Это другое дело! – обрадовался Пластырь. – Я этих псов сфотографирую и ему предъявлю, чтобы чего не подумал. Растолкуй, как туда добраться.

– Я тебе на плане покажу, – предложил Ивашкин.

– Что мне твой план! – не согласился Пластырь. – Ты на бумажке нарисуй, а лучше напиши русскими буквами, как спросить дорогу по-ихнему.

– Ладно, – согласился Ивашкин, – пойдём в каюту, мне нужно в словарь заглянуть.

– Пора бы уже и без словаря обходиться, студент, – ухмыльнулся Пластырь.

В каюте Ивашкин уселся за стол и, полистав словарь, нацарапал на листке фразу по-испански: «Perdone me, quisiera ver su ayuntamiento».

– Русскими буквами тоже написал, – объяснил он, – можешь прочитать или предъявишь эту бумажку, а тебе пальцем покажут, куда топать. Я написал так: «Извините, я хотел бы посмотреть ваш муниципалитет». Они вежливые, привыкли к иностранцам, отказа не будет.

– Ладно, с меня причитается, – Пластырь аккуратно сложил бумажку. – Ты уходи поскорее, а потом и я полезу отпрашиваться. Пока!

Отвязавшись от четвёртого помощника, Ивашкин мигом приготовился – рассовал по карманам сигареты, зажигалку, краснокожий паспорт моряка, а на грудь повесил фотоаппарат. Вахтенный у трапа завистливо пощёлкал языком и высказал предположение, что Ивашкин попал в любимчики к замполиту. Но Ивашкин спешил, а поэтому объясняться не стал и ограничился тем, что послал коллегу к матушке. Он протопал шестьсот метров по бетону причала, потоптался у скульптурной группы, изображавшей то ли первобытных, то ли просто огорчённых людей, и выбрался в город, на улицу Хуан Рехон, запруженную людьми и машинами. В Лас-Пальмасе слишком много приезжих, по серости своей не сознающих прелести сиесты, и центральные улицы пустеют только глубокой ночью.

Ивашкин побродил в предпортовой части города, подивившись русским названиям дешёвых лавок – «Космос», «Миша», «Лайка», «Одесса». На дверях красовались написанные от руки призывы – «Русские ребята, заходи!», «Говорим по-русски!», «Дешевле не найдёшь!», «Для русских лэди! Трусы на любой джоп!» Из магазинчиков доносилась азартная брань торговавшихся моряков. В эти лавки Ивашкин соваться не стал, поскольку почти все деньги отдал опытным товарищам, пообещавшим закупить для него выгодный товар.

Не забывая, что он вольный турист, Ивашкин осмотрел форт Ла Лус, возле которого пожилые канарцы играли в шары, потом по Хуан Рехон дошёл до Альбарета и отыскал автобусную остановку. По дороге он щёлкал фотоаппаратом направо и налево, пугая прохожих. На остановке в чинном порядке выстроилась очередь. Подошёл красивый автобус, и пассажиры, не толкаясь, по одному стали заходить в заднюю дверь и рассаживаться в мягкие кресла. Когда все сидячие места оказались заняты, очередь остановилась, хотя могла целиком свободно уместиться в автобусе. Ивашкин ещё даже удивиться не успел, как сработал рефлекс, и матрос мигом выпрыгнул в вагон с передней площадки. В это время какой-то человек, видно, решивший последовать дурному примеру, влез с задней площадки. Публика уставилась на обоих без осуждения, но с явным любопытством. Кондуктор, наделявший пассажиров билетами, прервал своё занятие и, бурно жестикулируя, но при этом улыбаясь, стал что-то объяснять иноземцу. Тут Ивашкин уразумел, что входить в автобус положено с задней площадки, выходить в переднюю дверь, а стоять в проходе не разрешается. Если все места заняты, нужно дождаться следующего автобуса. Ивашкин коротко извинился и выпрыгнул в переднюю дверь. Автобус тут же укатил, поскольку сзади уже сигнализировал следующий. Второй нерадивый пассажир хотел было тоже выпрыгнуть, но не успел.

Ивашкин вылез на площади Санта-Анна, заглянул в собор, полюбовался на пресловутых чугунных собак и, наконец, добрался до музея Колумба – небольшого двухэтажного особняка весьма скромной наружности. Экспозиция несколько разочаровала Ивашкина, избалованного богатством музеев Ленинграда. Более всего ему приглянулся внутренний дворик с колодцем, вокруг которого на специальных торшерах сидели прикованные за ноги огромные цветастые попугаи.

Матрос улучил момент, когда его никто не видел, подобрался к одной из птиц с тыла, выдернул из хвоста перо и быстро спрятал под рубашкой. Попугай заорал, что было мочи и захлопал крыльями. Во дворик заглянул служитель, но Ивашкин состроил удивлённую физиономию и, указав на сварливую птицу, пожал плечами. Служитель обошёл вокруг торшера, но утраты пера не заметил, потом оглядел струхнувшего Ивашкина, однако и тут не углядел ничего подозрительного. Решив, что культурную программу пора сворачивать, Ивашкин покинул музей, побродил ещё некоторое время по улицам, поминутно щёлкая фотоаппаратом, но потом обнаружил, что, увлечшись ощущением свободы, забыл о времени, и встал в очередь на автобусной остановке. Памятуя о своей оплошности, он чинно вошёл с задней площадки, сел и, протянув кондуктору деньги, спросил, идёт ли автобус к порту?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.